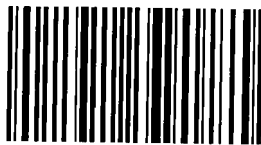

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

005002301

Алексеев-Апраксин
Анатолий Михайлович

ВОСТОК В КУЛЬТУРЕ ПЕТЕРБУРГА

Специальность: 24.00.01 — теория и история культуры

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание
ученой степени доктора культурологии

17 НОЯ 2011

Санкт-Петербург
2011

Работа выполнена на кафедре культурологии философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета

Научный консультант: доктор философских наук, профессор
Соколов Евгений Георгиевич
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Уваров Михаил Семенович
(Санкт-Петербургский государственный университет)

доктор культурологии, профессор
Серов Николай Викторович
(Санкт-Петербургский государственный институт
психологии и социальной работы)

доктор культурологии, профессор
Барсова Людмила Григорьевна
(Санкт-Петербургская государственная
академия театрального искусства)

Ведущая организация: Санкт-Петербургский государственный
университет водных коммуникаций

Защита состоится « 1 » декабря 2011 года в 15⁰⁰ часов на заседании совета Д.212.232.55 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Санкт-Петербургском государственном университете по адресу: 199034, Санкт-Петербург, В.О., Менделеевская линия, д. 5, философский факультет, аудитория 167

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им. М.Горького Санкт-Петербургского государственного университета

Автореферат разослан « 31 » октября 2011 года

Ученый секретарь,
Диссертационного совета,
Кандидат философских наук, доцент

А. А. Никонова

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Актуальность исследования. Взаимодействие между культурами – важнейшая проблема современного мира, находящегося в стадии формирования глобальной культурной реальности. Сегодня, практически, не найти ни одной сферы человеческой деятельности, которая не была бы прямо или косвенно связана с межкультурным взаимодействием. Все происходящее в экономике, политике, науке, праве, в искусстве и повседневной жизни – результат контактов между культурами. Будучи механизмом обновления и расширения диапазона культурных возможностей, межкультурное взаимодействие связано также с взаимным непониманием, латентными конфликтами и открытыми столкновениями. Анализ этих процессов чрезвычайно важен, поскольку от дальнейшего развития взаимоотношений между культурами зависит будущее всего человечества.

В условиях необратимости глобализационных процессов перед всеми народами остро встает проблема соотношения глобального и уникального, определение режима и границ межкультурного сближения, вопрос культурной идентичности. В этом плане тема взаимодействий Востока и Запада оказывается существенной для современной многонациональной и многоконфессиональной России, которая, находясь в поиске смысловых и ценностных ориентиров, активно включается в глобальные процессы, формирует векторы целей и приоритеты будущего развития.

Ценность обращения к исследованию взаимодействия Востока и Запада на материалах истории петербургской культуры обусловлена тем, что Санкт-Петербург, являвшийся столицей Российской империи, как никакой другой город, предоставляет возможность рассмотрения проблемы межкультурных контактов разносторонне. Созданный на перекрестке культурных воздействий, мультикультурный Петербург оставался в центре вестернизаторских и ориенталистских течений на протяжении всей своей истории. Это дает возможность исследовать трехсотлетнюю историю включений в отечественную культуру ориентальных влияний и с европейского и с азиатского направлений. Позволяет рассмотреть формы институционализации Востока в культуре России, а также политические, экономические, научные, художественно-эстетические, общественно-религиозные и другие конфигурации межкультурных взаимодействий.

В культурной жизни Санкт-Петербурга восточный вектор опирается на опыт многих народов и судьбы различных персон. Представленный в поликультурном многообразии, Восток дает возможность проанализировать различные сценарии его включения в живую среду городской культуры. Наличествующий материал (фактический и аналитический) демонстрирует принципиальную неоднозначность данного культурного феномена в истории города и в культуре разных слоев населения. Вхождение Востока, особенно не библейского, в культурную жизнь Санкт-Петербурга и проявление восточной составляющей в его современном культурном пространстве указывают на необходимость обобщения исторического материала и проведения анализа происходящего в условиях современности. К актуальности исследования следует отнести и культурологический подход, позволяющий на примере одного конкретно взятого города показать формы диалога, стратегии адаптации и интеграции Востока в отечественную культуру, выявить специфические и общие тенденции межкультурного взаимодействия.

Степень разработанности проблемы. К анализируемым в диссертации проблемам взаимодействия культур не раз обращались мыслители древности и средневековья. Например, тему нравственности в межкультурном общении в сочинении «Диалог между философом, иудеем и христианином» поднимал ещё Пьер Абеляр. Однако предметом целенаправленного изучения эти проблемы стали лишь в Новое время. Взаимодействие культур как возможность сохранения культурного многообразия исследовал И. Гердер. Классификацию форм межкультурных влияний при доминирующей идее «непередаваемости» основ культуры осуществил Н. Я. Данилевский. К проблемам субъекта и его познавательных возможностей, значимых для исследования субъективных и между субъективных межкультурных отношений, обращались немецкие философы И. Кант, И. Фихте, Ф. Шеллинг. Идеи Фихте об инаковости и взаимообусловленности «я» и «другого» развивал Л. Фейербах.

В начале XX века проблема межкультурного взаимодействия начинает изучаться более интенсивно. Теорию отдельных культурных заимствований в контексте «закрытости» культурных организмов и понятие псевдоморфоза разрабатывал О. Шпенглер. Анализ взаимодействия культур, в контексте идеи «вызов – ответ», исследовал А. Тойнби. К теме межкультурного взаимодействия обращались М. Бубер, Ф. Эбнер, М. Элиаде. С социолингвистических позиций её рассматривали Л. Щерба и Л. Якубинский, с позиций структурализма – К. Леви-Стросс, с позиций онтологии – М. Хайдеггер, литературной и философской герменевтики – Х. Гадамер. Взаимодействие культур попадает в поле исследований феноменологов – Х. Гуссерль, М. Мамардашвили, специфику социокультурных пространств исследовали У. Смейлзери и Ф. Боас, с позиций литературоведения и семиотики к межкультурным контактам обращались С. С. Аверинцев, М. М. Бахтин, В. Я. Лакшин, Ю. М. Лотман.

Взаимодействие культур исследовали отечественные культурологи С. Н. Артановский, С. А. Арутюнов, А. В. Ахутина, Л. Н. Гумилев, Б. С. Ерасов, Л. Г. Ионин, С. Н. Иконникова, М. С. Каган, Г. С. Померанц и другие. Центральное значение «диалога в культуре» утвердил М. М. Бахтин, его труды, посвященные многоголосию культур, вызвали интерес и были развиты Л. М. Баткиным, Г. М. Бирюковой, Н. К. Бонечкой, Н. Перлиной. Теорию взаимодействия как диалогической настроенности противоположностей предложил В. С. Библер. Научная работа над осмыслением данной проблематики была продолжена С. Н. Ереминым, С. Г. Ларченко, В. Н. Сагатовским, В. В. Селивановым, Е. Г. Хилтухиной и многими другими отечественными исследователями, работающими в различных направлениях.

Проблеме глобалистики межкультурных взаимодействий посвящены работы таких авторитетных социологов и политологов, как А. Аппадураи, У. Бэк, В. Вельш, С. Хантингтон и другие. В анализе данной проблематики заметна актуализация социальных и культурных теорий межкультурной коммуникации, базирующихся на кибернетических основах; исследований сетевых сообществ¹, интеллектуальных коммуникативных

¹ Теоретическое рассмотрение отношений в обществе как сети было впервые предпринято М. Кастельсом. Его сетевая парадигма затрагивает все слои общественной жизни. Автор опирается на исследования, посвященные так называемой «цифровой революции», становление которой связано с расширением сетей коммуникации. Р. Хассан отмечает, что «цифровая революция» складывается из четырех компонентов: цифровые технологии, цифровой капитализм, цифровая глобализация и цифровое ускорение. Другой исследователь Н. Трифт выделяет следующие свойства цифровых сетей: эмерджентность, контекстуальность и самоорганизация, рассеивание власти и создание манипулятивных техник репрезентации реальности.

сетей Р. Коллинза, теории эволюционного менеджмента, радикального конструктивизма. С ними перекликается и коммуникативная социология Н. Лумана (теория аутопоэтических систем). Следует отметить работы П. Бергера, П. Бурдьё, Т. Лукмана, а также теорию консенсуального взаимодействия самоорганизующихся систем У. Матураны. К естественнонаучному описанию социокультурных связей приближены работы по социокультурной синергетике И. Р. Пригожина и В. П. Бранского.

Исследования воздействия объективированных форм культуры на субъективно-личностный мир человека, «понимания-для-себя», проводились В. Вундтом, В. Дильтейем, Л. С. Выготским. Среди пионеров, предпринявших анализ межличностных отношений, также следует назвать Г. Лебона и Г. Тарда; среди исследователей проблем «коллективного взаимодействия людей» – З. Фрейда, У. Джеймса, К. Юнга, а также основателей символического интеракционизма Ч. Х. Кули и Дж. Г. Мида.

С проблематикой настоящего исследования связаны вопросы, освещаемые диффузионистами, которые изучали культурные контакты между народами, осуществляемые посредством торговли, переселения и войны. В этом ключе тему изучали С. Графтон, Ф. Гребнер, Р. Диксон, В. Колперс, А. Ленг, У. Перри, У. Риверс, К. Уислер, Л. Фробениус, Т. Хейердал, Г. Чайлд, В. Шмидт, Г. Элиот-Смит. Проблематика взаимодействий в контексте разработки принципов и методов исследования динамики культуры исследовалась Ф. Боасом, Р. Л. Карнейро, А. Л. Крёббером, Б. Малиновским, Л. А. Уайтом.

Рассматриваемая в диссертации специфика контактов между Востоком и Западом изучалась компаративистами Т. П. Григорьевой, Н. Л. Жуковской, Е. В. Завадской, А. С. Колесниковым, Н. И. Копрадом, Э. Конзе, М. Е. Кравцовой, В. Г. Лысенко, В. В. Малявиным, Е. Б. Рашковским, Р. Роланом, М. Т. Степанянц, Р. Тагором, Е. А. Торчиновым, К. Юнгом и другими.

Находясь в процессе интеллектуального осмысления, Восток уже третий век становится предметом изучения и публикации авторских работ: очерков, переводов, фундаментальных исследований, посвященных реконструкции и анализу памятников восточной мысли. Изучению синтоизма посвящены работы А. Н. Мещарикова; ведической литературы и индуизма – М. Ф. Альбедиль, Я. В. Василькова, С. Л. Невелевой; даосизма – В. В. Малявина, Е. А. Торчинова. Весьма обширна научная работа по исследованию буддизма Индии различных исторических эпох. Среди современных отечественных исследований выделяются работы В. П. Андросова, Е. П. Островской, В. И. Рудого и других. Различные тексты и формы культурной жизни в Китае исследовались М. Е. Ермаковым, М. Е. Кравцовой, Л. Н. Меньшиковым; в Корее – Ю. В. Болтач, Д. Д. Елисевым, М. И. Никитиной; в Тибете – М. И. Воробьевой-Десятовской, Р. Н. Крапивиной, А. А. Терентьевым; в Японии – В. Н. Гореглядом, Т. П. Григорьевой; в Юго-Восточной Азии – Г. А. Зографом, И. Р. Катковой, А. В. Парбюком. Среди исследований места и роли буддизма в культурной жизни российских регионов следует отметить работы Ц. П. Ванчикова, Н. Л. Жуковской и С. П. Нестеркина, посвященные Бурятии; Э. П. Бакаевой, Б. У. Китинова, К. А. Надеева – Калмыкии; М. В. Монгуш, О. М. Хомушку – Туве. В этих работах содержатся сведения, о способности восточных учений к адаптации и превращения в органическую часть этнокультурного субстрата.

В отношении Санкт-Петербурга тема взаимодействий Востока и Запада освещена недостаточно полно, хотя историческая реальность такова, что восточные вероучения и традиции уже давно пользуются авторитетом и признанием среди петербуржцев, что

вызвало к жизни ряд интереснейших культурных реалий. Среди работ, корреспондирующих с темой «Восток в культуре Петербурга», представляют интерес социально-антропологическое исследование мирских буддийских общин современного Петербурга (Е. А. Островская); работы, посвященные изучению восточных художественных собраний (М. Ф. Меньшикова и др.), биографий связанных с Востоком известных ученых и общественных деятелей (Я. В. Васильков, Т. И. Грекова, М. Ю. Сорокина, и др.); исследования по истории становления отдельных направлений востоковедческих наук (Т. В. Ермакова и др.). Большой интерес представляет собранный А. М. Куликовой комплекс архивных материалов «Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII - 1927)». Особо следует отметить впервые вышедшие сборники научно-информационных материалов «Санкт-Петербург – Китай: три века контактов» (2006) и «Санкт-Петербург – Индия: история и современность» (2009).

Различные исторические аспекты контактов Петербурга с Индией представлены в статьях и очерках М. Ф. Альбедиль, Я. В. Василькова, М. И. Воробьевой-Десятковской, Р. Ш. Ганеллина, О. П. Дешпанде, С. К. Лебедева. История экономических, политических, художественных контактов Санкт-Петербурга с Китаем рассматривается в статьях Б. В. Ананьича, Р. Ф. Итса, А. Панцова, И. Ф. Поповой, А. М. Решетова, А. Н. Цамутали и др. История отношений Петербурга с Центральной Азией затрагивалась в работах В. Вапшевича, К. М. Герасимовой, Б. И. Кузнецова, Ю. Н. Рериха и др., в настоящее время она изучается А. И. Андреевым, П. А. Павловым, В. А. Росовым, Е. С. Сафроновой, А. А. Терентьевым и др.

Изучению культурного пространства Петербурга посвящены работы Н. П. Анциферова «Непостижимый город», Ю. М. Лотмана «Семиотика города», М. С. Кагана «Град Петров в истории русской культуры», С. М. Волкова «История культуры Санкт-Петербурга», О. Г. Агеевой «“Величайший и славнейший более всех градов в свете...” – град Святого Петра». Раскрытию петербургской специфики посвящены коллективные труды «Метафизика Петербурга», работы К. Г. Исупова, Г. С. Лебедева, М. С. Уварова. Проблема семиотики культурного пространства города исследовалась Ю. М. Лотманом, В. Н. Топоровым, Б. А. Успенским.

Анализ степени разработанности проблемы позволяет сделать вывод о том, что в современной отечественной науке накоплен значительный теоретический и исторический материал по проблеме межкультурных контактов, истории Петербурга и его культурных связей с точки зрения социальной антропологии, истории, философии, лингвистики, политологии, искусствоведения, востоковедения и других гуманитарных направлений специализированного знания. Вместе с тем ощущается необходимость в систематизации, обобщении и культурологическом осмыслении имеющихся данных, в интегральном изучении заявленной темы. Восполнение этой лакуны и стало предметом настоящего исследования.

Цель диссертации: исследовать восточную составляющую культурной жизни Санкт-Петербурга.

Задачи исследования:

- определить актуальные для культурологии теоретико-методологические стратегии изучения межкультурных контактов;
- выявить ведущие закономерности современного этапа межкультурного диалога;

- выделить восточный компонент в культурной жизни Санкт-Петербурга;
- провести культурологический анализ истории контактов между Санкт-Петербургом и странами Востока, выявляя общее и специфическое в развитии взаимодействия культур Востока и Запада;
- исследовать эволюцию межкультурных отношений, а также современный опыт и практику вхождения Востока в культуру Санкт-Петербурга;
- выявить основные подходы в интерпретации Востока петербургской интеллектуальной средой;
- показать степень интеграции восточной составляющей в культурную жизнь Санкт-Петербурга и актуальные пространства межкультурных взаимодействий.

Источниковедческая база. По истории России и Санкт-Петербурга: полное собрание указов Российской империи, законодательные документы и акты СССР и современной России; справочные издания по истории города; периодика (бюллетени, газеты, журналы, сборники), нарративные источники, памятники культуры. К исследованию также привлекались материалы из фондов музея Санкт-Петербургского университета, Государственного архива кинофотофонодокументов, ФЭБ: ЭНИ «Российский архив»²; научно-информационные материалы и архивные документы, введенные в научный оборот Санкт-Петербургским институтом истории РАН и Санкт-Петербургским научным центром РАН. В работе над диссертацией также использовались историко-аналитические исследования Н. П. Алциферова, О. Г. Агеевой, К. Г. Исупова, М. С. Кагана, Г. С. Лебедева, Ю. М. Лотмана, В. Н. Топорова, М. С. Уварова, Б. А. Успенского.

Источниками статистических данных служили: отчеты и аналитика, публикуемые администрацией Санкт-Петербурга; официальные данные Госкомстата России, Центра демографии и экологии человека; данные, публикуемые Петербургским Домом национальностей, МАЭ РАН; работы, посвященные национально-культурным сообществам, этническому составу и этносоциальной структуре населения Санкт-Петербурга, – А. И. Копанева, В. В. Михайленко, Н. М. Романовой, Н. В. Юхневой.

В исследовании литературно-художественной практики ориентальных направлений автор опирался на произведения литературного, изобразительного, музыкального, кинематографического и театрального искусства, а также на работы эпистолярного жанра и произведения фольклора. В качестве источников также привлекались каталоги, альбомы, афиши, в том числе материалы архива Кабинета рукописей Российского института истории искусств.

Музееведческая практика Петербурга исследовалась по каталогам, отчетам о приобретениях, научным публикациям сотрудников петербургских музеев, собраниям предметов и информационных материалов, хранящимся в фондах и архивах Государственного Эрмитажа, Музея истории религии, Музея антропологии и этнографии им. П. Великого, Музея истории города, Музея-квартиры П. К. Козлова и других музеев Санкт-Петербурга, Пушкина, Павловска, Петергофа, Ораниенбаума.

Источниками по российскому востоковедению и по отношениям России с Индией, Китаем и Тибетом служили введенные в научный оборот (Б. В. Апаньичем, А. И. Андриеевым, Р. Ш. Ганелиным, Т. И. Грековой, Т. В. Ермаковой и др.) документы из Санкт-

² Фундаментальная электронная библиотека: электронное научное издание «Русский архив».

Петербургского филиала архива РАН, Российского государственного исторического архива, Центрального государственного исторического архива, Центрального государственного архива Санкт-Петербурга, Центрального государственного архива научно-технической документации, Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга, архива востоковедов Института восточных рукописей РАН, архива внешней политики Российской империи, Государственного литературного музея. Использовались документы по истории, труды экспедиций и отчеты о деятельности ИРГО, ИВ РАН, АН СССР; работы Е. А. Торчинова «Введение в буддологию», А. М. Куликовой «Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII - 1927)» и других, а также сборники научно-информационных материалов «Санкт-Петербург – Китай: три века контактов» (2006) и «Санкт-Петербург – Индия: история и современность» (2009).

Источниками по восточным учениям, практикуемым в Петербурге, служили переводы памятников философской мысли Востока, работы ученых СПбГУ, Института востоковедения РАН и его филиалов, Института философии РАН; публикации издательств Нарганд, Ясный свет, Алмазный путь и других, специализирующихся на выпуске восточной религиозной литературы, а также содержания лекций и программ КИВИ (Международного буддийского института Кармапы) и ИТАС (Международного института тибетских и азиатских исследований).

Источниками по философии и культурологии служили труды С. С. Аверинцева, С. Н. Артановского, М. М. Бахтина, В. С. Библера, Л. Н. Гумилева, А. Я. Гуревича, М. С. Кагана, Ю. М. Лотмана, М. К. Мамардашвили, Г. С. Померанца, С. Л. Франка А. Я. Флиера, а также Е. Г. Соколова, Е. А. Торчинова, Т. В. Холостовой и других отечественных авторов. Среди западных мыслителей привлекались исследования В. Вельша, И. Гердера, Х. О.-и-Гассета, Э. Гуссерля, Г. Зиммеля, И. Канта, Р. Карнейро, Э. Кассирера, М. Мак-Люэна, Б. Малиновского, Э. Фромма, Дж. Хопфмана, М. Элиаде и К. Ясперса.

В качестве источников по проблематике и методологии компаративных исследований послужили работы Т. П. Григорьевой, Е. В. Завадской, А. С. Колесникова, Н. И. Конрада, Э. Конзе, М. Е. Кравцовой, В. Г. Лысенко, В. В. Малявина, А. В. Парибка, Е. Б. Рашковского, Р. Роллана, М. Т. Степанянц, Р. Тагора, Е. А. Торчинова.

Источниками по психологическим аспектам межкультурных взаимодействий служили работы К.-Г. Юнга, а также А. Маслоу и других представителей гуманистической психологии, в том числе трансперсонального и интегрального направлений. Использовались исследования этнологов: М. Мид, А. Крёбера, К. Уисслера, Р. Бенедикт и К. Дюбуа, социальных и культурных антропологов М. Вебера, Р. Редфилда, Р. Линтона, М. Херсковиц, Э. Стоунквиста, И. Хэллоуэлла, Р. Парка, В. Шапинского.

Методологическая и теоретическая основа исследования. Диссертация основывается на междисциплинарном подходе, который направлен на исследование Санкт-Петербурга как целостного культурно-исторического образования (использование философских, исторических, искусствоведческих, филологических, социологических и других способов теоретического исследования). Научный поиск осуществлялся философскими средствами индукции и дедукции. При раскрытии специфики межкуль-

турного диалога использовались методы компаративного анализа, а также достижения культурной и философской антропологии, аксиологический и семиотический подходы. Изложение материала производится в соответствии с принципом историзма. Ведущими в диссертации являются совмещенные методы диахронного и синхронного компаративного анализа. Восточные влияния на петербургскую культуру рассматриваются как неотъемлемая часть отечественного культурогенеза.

Специфика рассматриваемого предмета обусловила обращение к другим методам:

- сбор и упорядочение большого массива информации о культуре Санкт-Петербурга определили применение историографического и источниковедческого анализа;
- изучение современных событий и феноменов культуры определило использование различных методик наблюдения (натурного, внешнего, включенного) и статистического исследования;
- анализ специфических особенностей различных культурных феноменов осуществлялся с помощью феноменологической редукции;
- в исследовании межличностных и межгрупповых отношений применялись аналитические подходы гуманистической психологии.

Основные научные результаты исследования:

- выявлены актуальные теоретико-методологические стратегии изучения межкультурных контактов;
- прослежены история проникновения, формы бытования и распространения восточных традиций в культурной жизни Санкт-Петербурга;
- проведен анализ универсальных закономерностей межкультурного взаимодействия и специфических проявлений, характерных для Санкт-Петербурга;
- проанализированы различные зоны включения Востока в жизнь Санкт-Петербурга, определены динамика и содержательные изменения межкультурных отношений;
- исследованы современные рецепции восточных культур в Санкт-Петербурге;
- выявлена степень интеграции восточной составляющей в культурную жизнь Санкт-Петербурга.

Научная новизна проведенного исследования:

- В диссертации разработаны интегративные подходы исследований межкультурных контактов;
- межкультурное взаимодействие представлено как важнейший фактор исторического процесса;
- осуществлена интегральная реконструкция истории влияний культур не библейского Востока на культурную жизнь Санкт-Петербурга;
- проведен системный историко-культурологический анализ восточного компонента в культуре Санкт-Петербурга;
- Восток в культуре Петербурга проанализирован в институциональном, морфологическом и содержательно-смысловом аспектах;
- определены особенности межкультурных контактов на разных этапах генезиса петербургской культуры (локальная, а также общеевропейская и российская специфика);
- прослежена социокультурная динамика взаимодействия между восточными и западными компонентами петербургской культуры;

- выявлены основные тенденции развития межкультурного диалога в постсоветский период;
- исследованы области политического, экономического, социального, рекреационного, творческого и религиозного взаимодействия Санкт-Петербурга со странами Востока.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

1. Категории «культурная реальность», «культурный процесс», «культурное пространство», «межкультурное взаимодействие», «Восток – Запад» определяют семантическое поле и регламент исследований межкультурных контактов.

2. Культура «держит» свою самобытность: накопленными формами выживания (защиты жизни); способами психо-физического восстановления; выработанными механизмами самоактуализации человека.

3. Контакты между народами с наименьшим совпадением культурных кодов, встреча с принципиально иными содержаниями и формами организации культурных параметров обеспечивают культурам-реципиентам наибольшие возможности для обнаружения дополнений к собственной культуре, выявления собственного своеобразия, а также возможности обнаружения незадействованных ресурсов.

4. Восточные представления и культурные практики обнаруживаются как уже существующие и функционирующие в повседневной культуре Петербурга.

5. По большей части культурных параметров восточные воздействия на культуру Петербурга сегодня перекрывают западные влияния.

6. Элементы восточной культуры имеют в Петербурге повсеместное хождение и демонстрируют отчетливую тенденцию к формированию самостоятельных палиативов.

7. В настоящее время формируются общие литературные, технологические, экономические и другие сферы взаимодействий, совместно осваиваемые представителями различных народов и культур.

8. Петербургская история позволяет фиксировать несколько пространств межкультурных контактов, специфика которых определена доменом актуальных потребностей, мотивов и целеполаганий участников межкультурного диалога: 1) прагматическое пространство – обуславливающее политическое, экономическое и социальное измерения межкультурных взаимодействий; 2) рекреационное пространство – служащее обновлению культурных форм посредством обращения к этнике и фольклору; 3) пространство самоактуализации – определяющее научное, художественное и религиозное измерения межкультурных контактов.

Научно-теоретическая и практическая значимость результатов диссертационного исследования заключается в уточнении основных категорий, выявлении интегративных культурологических подходов, а также в определении эффективных ракурсов рассмотрения межкультурных взаимодействий. Выдвигаемая концептуальная схема позволяет увидеть причины тех или иных событий, феноменов, явлений культуры. Теоретико-методологические подходы, ставящие во главу угла потребности человека (от проблем выживания до самоактуализации и трансцендирования), позволяют расширить границы культурно-исторического анализа межкультурных контактов. Дифференциация полей межкультурной коммуникации позволяет выявлять смыслообразующие закономерности и связи. Предложенную методику можно использовать

не только в качестве инструмента теоретического познания, но и для практического анализа современных культурных взаимодействий. Положения и выводы диссертации, а также конкретные рекомендации существенны для выработки политических, экономических и социальных концепций, связанных с межкультурным взаимодействием. Они могут способствовать обновлению представлений о роли контактов в культуре и формированию самосознания современного человека. Исследование восточного компонента в культурной жизни города представляется значимым и для петербурговедения. Работа может заполнить пробелы в обобщающих научных трудах по истории Санкт-Петербурга и исследованиях рецепций восточных культур. Кроме того, материалы диссертации могут использоваться для создания учебников по истории Петербурга и культурологии, а также общих и специальных курсов по теории и истории культуры, истории взаимодействия России со странами и народами Востока, Восток в культуре Петербурга. В реализации политических, экономических, социальных и культурных программ представленные идеи позволят точнее определить и в случае надобности откорректировать цели и задачи, ранжировать приоритеты деятельности. Опираясь на ясность в отношении интереса, мотивов и целенаправлений участников межкультурного диалога, предлагаемые подходы призваны не только помочь в анализе происходящего, но гуманизировать широко применяемые естественнонаучные технологии моделирования социокультурных процессов, помочь в выборе ответственной позиции по отношению ко всем участникам межкультурного сближения.

Апробация результатов исследования:

Участие в форумах: Международная научно-практическая конференция «Реальность этноса» (СПб., 2003); семинары философско-культурологического центра «СОФИК» (СПб., 2005); научная конференция «Вторые Торчиновские чтения» (СПб., 2005); V Международная научно-практическая конференция «Диалог культур: Болонский процесс, язык, культура, бизнес» (СПб., 2006); семинар «Восток» философского факультета СПбГУ (СПб., 2006); научная конференция «Третьи Торчиновские чтения» (СПб., 2006); I Российский культурологический конгресс (СПб., 2006); XI Международный симпозиум «Новые технологии восстановительной медицины» (Греция, Салоники, 2006); круглый стол «Философия культуры и культурология: вызовы и ответы» / Дни петербургской философии: мир философии – мир человека (СПб., 2006); научно-практическая конференция «Артосфера: перспективы развития и инновации» (СПб., 2007); научная конференция «Четвертые Торчиновские чтения» (СПб., 2007); Всероссийская научная конференция «Россия и революция 1917 года: опыт истории и теории» (СПб., 2007); II Российский культурологический конгресс «Культурное многообразие: от прошлого к будущему» (СПб., 2008); Международная научная конференция «Россия – Монголия: самобытность и взаимовлияние культур в условиях глобализации» (СПб., 2008); конференция «Человек как творец и творение культуры» / Дни петербургской философии: человек познающий – человек созидющий – человек верующий (СПб., 2008); круглый стол «Диалог культур и культура диалога» / Дни петербургской философии: философия в диалоге культур (СПб., 2009); Международная научная конференция «Россия – Монголия: культурная идентичность и межкультурное взаимодействие» (Улан-Уде, 2010); семинары Центра изучения культуры философского факультета СПбГУ 2009-2011 гг.

Организация научных и просветительских мероприятий: организация и участие в I Международной научно-практической конференции «Буддизм Ваджраяны в России: история и современность» (Санкт-Петербург, Музей истории религии, 2008); организация II Международной научно-практической конференции «Буддизм Ваджраяны в России: от контактов к взаимодействию» (Москва, ИВ РАН, 2010); организация курсов медитативных практик «Махамудра» и «Пхова» (Санкт-Петербург, 1990, 1991), а также I Международного фестиваля творчества буддистов «Молодой буддизм» (Санкт-Петербург, Балтийский дом, 1995) и III Международного фестиваля тибетского буддизма «Буддизм.ру» (Санкт-Петербург, 2008).

Общественные и культурно-просветительские проекты: основание Фонда буддийских изданий и переводов «Карма Йеше Палдрон» (СПб., 1997); выступление на Петербургском радио (программа «Духовное наследие России» в рамках городского проекта Толерантность, СПб., 2008); участие в создании фильмов: «Пхова во время холеры» (Петербург, 1995); «Буддизм в России» (Москва, 2008); Работа в международных проектах по возведению ступы Чудес Будды (Польша, Дробин) и ступы Просветления (Калмыкия, Элиста), в том числе роспись алтарного зала (1998-2000); текст к альбому XVII Кармапы «Кагью в Петербурге» (СПб., 2009).

Разработка и реализация учебных курсов: Искусство стран Востока (Институт ДПИ, 2001-2006); Культура стран буддийского Востока (Институт ДПИ, 2002-2005); Культурология (Институт ДПИ, 2001-2006); Эстетика жизни (Академия права и бизнеса, 2006); Теория культуры (СПбГУ, 2007, 2011); Теория и история искусства (СПбГУ, 2008); История мировой культуры (СПбГУ, 2006-2011); Восток в культуре Петербурга (СПбГУ, 2007-2010), а также подготовка студенческих работ по ориентальной проблематике.

Исследование и публикации по теме были поддержаны отечественными грантами: стипендия президента РФ (2004-2005), грант президента РФ НШ-2864.2006.6 на издание монографии «Буддизм в Петербурге», а также участие в проектах «Россия – Монголия» (2009, 2010) РГНФ 08-03-92261 г/г и РФФИ 09-06-07095.

Монографии: «Буддизм в Петербурге: история и современность» (СПб., 2008), «Культурологические подходы к изучению межкультурных контактов» (СПб., 2011); коллективные монографии: «Сокровище Тибета: буддийские методы в искусстве» (А. Алексеев-Апраксин, Б. Ерохин, М. Загерс. Е. 2004); «Новые традиции» (ред. Е. Э. Суrowsкой, 2009); *Фундаментальные проблемы культурологии. Т. 5 / Теория и методология современной культурологии* (ред. Д. Л. Сливак) (СПб., 2010).

Общий объем публикаций 52 п.л.

Диссертация обсуждена, одобрена и рекомендована к защите на заседании кафедры культурологии факультета философии СПбГУ 10 мая 2011 года.

Структура и объем диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, включающих девять параграфов, заключения и библиографического списка литературы (482 наименования, в том числе на иностранных языках – 12). Общий объем диссертации 352 страницы.

2. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении дается обоснование актуальности темы, раскрывается её научная разработанность, определяются цель и задачи исследования, источниковедческая база, формулируются теоретико-методологические основания диссертации.

Первая глава «Теоретико-методологические основания» определяются теоретические и методологические принципы исследования. В ней формулируется аналитический подход, применяемый в диссертации, а также проводится критический анализ работ, посвященных глобальным культурным изменениям современности, в том числе и межкультурным взаимодействиям.

В первом параграфе **«основные понятия и подходы исследования»** выявляется семантика принципиальных для данной диссертации понятий, таких как: «культура», «культурная реальность», «межкультурный контакт», «культурный процесс», «культурное пространство», «пространства взаимодействий», «Восток – Запад».

«Культура» в диссертации рассматривается как фундаментальная реальность, которая охватывает взаимодействие человека с другими людьми и с самим собой, с природой и обществом (М.С. Каган). Анализ её сущностных характеристик свидетельствует о том, что она несводима к специализированной деятельности и институтам. Она включает в себя предметное и символическое, но не исчерпывается ими. Формируемая посредством поощрений, норм и запретов, культура возделывает стихию человеческой жизни, оказываясь принадлежащей реальности, трактуемой как подлинная только в том случае, если каждый символ, не существующий без материальной отягощенности, каждый культурный артефакт несет смысл и получает свое воплощение в конструктивной деятельности человека (М. Хайдеггер). Данное понятие не ограничивается и покрытием сферы знания, поскольку наиболее фундаментальным образом она обнаруживает себя в «способах открытости миру», в «самостоянии каждого индивида» (Г. С. Померанц). Поскольку механизмы культурной регуляции содержатся в опыте каждого человека, который оказывается и в роли объекта, и в роли субъекта, постольку и понятие культура включает в себя как внешнюю форму реакции сознания людей в различных условиях, так и внутреннее осознание индивидом собственного потока психо-физических состояний. Таким образом, культура трактуется как диапазон возможностей мотивированной деятельности человека, которая осуществляется «от первого лица» в результате свободного волеизъявления.

Понятие «культурная реальность» включает в себя не только мир внешний, но и мир внутренний (С. Л. Франк). В исследовании взаимодействия культур Востока и Запада это особенно значимо. Опыт востоковедческих и компаративистских исследований показывает, что объективного научного анализа и накопления эмпирических знаний недостаточно для адекватного понимания иной культурной реальности. Изучение смыслов, представленных в эмпирическом материале, недостаточно потому, что наука сама лишь часть культурной реальности, носитель которой – человек действующий, чувствующий и сознающий. Наука дает нам систематизированный взгляд на мир, она вычленяет общее, закономерное, а значит, воспроизводимое, практически используемое, в то время как культурная реальность включает субъективность, неповторимость, индивидуальность. То есть накопленный объем информации, «культурный тезаурус», сам по себе не является культурной реальностью. Он становится ею только в соедине-

нии с реальным опытом человека и его мотивацией, воплощенной в действии. В связи с этим понятие «культурная реальность» включает в себя помимо предметного и символического бытия организацию внутреннего мира человека, его интересы, потребности личности и его поведение. Понимание культурной реальности осложнено ещё и тем, что она, как правило, не артикулируется человеком, ибо воспринимается как данность. Тем не менее, она обнаруживается: в условиях кризиса, когда культура не способна выразить содержания жизни (Г. Зиммель), и в ситуации компаратива, когда появляется возможность сравнивать и сопоставлять.

Понятие «культурный процесс» связано с представлениями о движении культуры во времени, а также с изменениями, причиной которых выступают действия человека или группы лиц к освоению интересующей их тематики. Механизмы освоения результатов этих действий более широкой аудиторией дают материал для исследования изменения форм организации культурного опыта. Таким образом, понятие «культурный процесс» включает в себя микро- и макроуровни трансформации способов осознания и освоения мира. В контексте исследования межкультурного взаимодействия анализ «культурного процесса» также позволяет проследить усвоение иного культурного кода, изменение влияний доминирующих факторов, форм и содержаний межкультурных контактов. Таким образом, исследование «культурного процесса» предполагает методологическую возможность изменять масштаб рассмотрения исторического материала (Р. Карнейро)³, анализировать и обобщать, делать репрезентативную выборку для решения обусловленных актуальностью и целью исследования задач.

«Культурное пространство» – ареал распространения одной или нескольких близких по типу культур. Помимо пространственной характеристики, понятие «культурное пространство» включает в себя наличие органической культурной целостности, где все составные части объединены общими ценностями⁴. Специфичность культурных пространств обнаруживается в их отличиях на уровне смыслового содержания и организации, что свидетельствует о наличии множественности культур даже внутри одной языковой базы. Обладая единством неповторимости, каждое из культурных пространств не существует в изоляции, поскольку пространства эти взаимопроникающие, они перекрывают друг друга. Их единство обеспечивается человеком, вне которого они не существуют. Человек персонифицирует культурные пространства посредством сознательной деятельности. В них ему открывается возможность осуществлять контакты не только с современными сферами культуры, но и с прошлым, наполняющим человеческие мысли и чувства. В связи с этим «культурное пространство» понимается как распределительная структура, через контроль над которой человек держит в руках все варианты взаимоотношений с миром.

«Межкультурные контакты» – следствие пересечений культурных пространств, результаты которых рассматриваются как важнейшее условие развития культуры, поскольку история не располагает примерами абсолютно обособленного существования⁵.

³ См: Карнейро Роберт Л. Культурный процесс // Антология исследований культуры. СПб.: СПбГУ, 2006. С. 428- 430.

⁴ Обращение к аксеологическим содержаниям культуры не отменяет важности положений просемики, представляющей культурное пространство говорящим, наделенным значением, варьирующимся от культуры к культуре, обладающим сильными и слабыми культурными кодами. Анализ содержания этих пространств даёт возможность по-новому рассмотреть формы межкультурного взаимодействия.

Контакт с «другим» как «поиски своего» и «поиски чужого» составляет неизбежное условие развития человечества (Ю.М. Лотман). Таким образом, понятие «межкультурный контакт» фиксирует не только познавательный интерес, но и стремление к сотрудничеству, аффилиации⁵, самоутверждению. «Межкультурный контакт» рассматривается в работе и как механизм расширения представлений о мире, как стимул для изменения человека, и, стало быть, данное понятие обозначает одно из важнейших условий культуро- и антропогенеза. Смысл его раскрывается в наличии механизма стимуляции культурного процесса, культурного обновления, изменения культурной реальности, а также обеспечения культур саморефлексией, противостоянием идеологической догматизации и кристаллизации культурных норм.

Понятие «Восток – Запад» в настоящем исследовании трактуется в логике более сложных отношений, чем географическое положение. В смысловом наполнении данного понятия учитывается историческое колебание этой «хрестоматийной оппозиции», а также проблема вторичного культурного родства, опосредованного диффузными процессами. Так, под понятием Запад имеется в виду европейское культурное пространство, с которым Петербург обладает исторически сложившимся культурным родством, а под Востоком – культурные пространства стран Азии и Дальнего Востока. Акцент на этой оппозиции (в настоящем исследовании) вызван интересом к контактам между народами с наименьшим совпадением культурных кодов, поскольку встреча с принципиально иными содержаниями и формами обеспечивает культуре-реципиенту наибольшее возможности для вычленения собственного своеобразия, способствует обнаружению и покрытию культурных дефицитов.

Во втором параграфе «методологические основания» определяются наиболее эффективные методы для анализа восточной составляющей в культурной жизни Петербурга, а также формулируется исследовательская модель, позволяющая выявить процессы межкультурного взаимодействия.

Система координат исследования в качестве одного из ракурсов анализа предполагает выделение трех уровней культурной реальности: предметно-вещный, символический и трансперсональный (духовный). Таким образом, культура рассматривается в нескольких ипостасях: как культурная продукция, как инобытие человека в символах и символических проявлениях и как жизнь сознания. На первом уровне мы видим операции с предметным миром, по большей части безличностные или обезличенные процессы, например в анализе глобального рынка, где человек – объект среди объектов (Г.Маркузе). Со вторым уровнем соотносятся символические культурные формы, где человек – это субъект в мире объектов. На третьем уровне человек предстает чистым субъектом, открытым для трансцендентного знания и трансперсонального опыта. Процессы в описанной структуре происходят как по горизонтали, так и по вертикали, когда в нисходящем движении творческий процесс «конденсируется», превращаясь, например, в картину, а картина – в товар, а в восходящем движении – когда мы «развоплощаем» некий объект, рассматривая его как символ, идею, а затем – как проявление трансперсональной (духовной) жизни.

⁵ Даже практика культурных изолятов не представляет здесь исключения, поскольку в изоляции те или иные группы оказались уже с достаточно широким набором культурных традиций. Кроме того, этнические и культурные изоляты со временем оказываются обреченными на архаизацию, регресс и исчезновение.

⁶ Потребность в общении, в осуществлении эмоциональных контактов, в проявлениях дружбы и любви.

Основы культурной самобытности – это ещё один ракурс анализа, позволяющий рассматривать взаимодействие культур как процесс выхода за пределы привычных форм жизни, как экзистенциальное действие, как проблему пограничной ситуации. Данный ракурс позволяет интерпретировать межкультурный контакт как поиск расширения возможностей собственной культуры, как «договор» о взаимной безопасности или как освоение жизненно необходимого опыта. Открывающиеся в анализе основ культурной самобытности закономерности обращения к Другому показывают, что с одной стороны, любой контакт воспринимается как потенциально опасный, а с другой – как крайняя необходимость. Таким образом, исследование взаимодействий культур, где каждая представляет собой иницируемый людьми непрерывный процесс, разворачивающийся в многоуровневом пространстве традиций и инициатив, приводит к обнаружению, что важнейшая из основ межкультурного общения – это поиск и нахождение способов жизнеобеспечения и выживания. Связанная с ней сфера культурных контактов служит покрытию «базовых» потребностей человека. Она связана с трудом, физическим и психологическим напряжением, с тем, что обеспечивает динамику развития культуры. Другая, не менее фундаментальная основа культурных взаимодействий, – необходимость в психо-эмоциональном и физическом восстановлении человека. Культурные контакты здесь организуются как рекреация. Они призваны разнообразить жизнь человека и способствовать обновлению культуры. Это важно, поскольку любая культурная форма невечна, живет лишь ограниченный период времени. Как бы совершенна она ни была, она рано или поздно обрабатывает себя. Это стимулирует обращение людей к культуре соседей и как следствие порождает заимствования и культурный синтез. Еще одно фундаментальное основание межкультурных контактов – самоактуализация человека, поиск смысла жизни и возможностей культурного изменения. По мере развития межкультурных связей данный опыт оказывается востребованным многими, хотя непосредственно касается лишь людей пассионарных, не удовлетворенных наличествующими в собственной культуре ответами на актуальные проблемы бытия, чей интерес выходит за границы обустройства безопасной, комфортной и эмоционально насыщенной жизни. Людей, которые ради встречи с непознанной реальностью готовы мобилизовать все свои внутренние ресурсы. Хотя актуальность подобной активности большинством не осознается, впоследствии её результаты схватываются и приспосабливаются для потребления.

Пересечение названных ракурсов анализа выявляет морфологическую структуру межкультурных взаимодействий, которая позволяет исследовать как отдельные культурные формы, так и их конфигурации в синхронном и диахронном планах их существования. Получая возможность проследить порождение и становление отдельных культурных форм и их динамику в историческом масштабе, данная модель позволяет провести функциональное исследование межкультурных взаимодействий, изучить принципы и формы контактов в связи с их обусловленностью задачами удовлетворения потребностей и запросов человека. Основа данного анализа – различие стремлений человека к контакту с Другим, деятельности для Другого или против Другого. Исследование побуждений к взаимодействию, намерений, мотивов, установок, различий целеполагания позволяет раскрыть содержание межкультурного общения. «Все то, что наличествует в индивидах в виде влечений, интересов, идей, стремлений, психических состояний и движений, то, из чего формируется воздействие на других людей или что

способствует восприятию этих действий, есть содержание. Сама по себе эта материя, в которой исполняется жизнь, мотивация, движущая ее, в сущности, не социальна. Голод, любовь, труд, религиозность, техника, функции и результаты деятельности разума не есть непосредственное общественное существование индивидов в определенных формах совместного существования, подпадающих под общее понятие взаимодействия. Обобщение, следовательно, есть в бесчисленном количестве способов реализующаяся форма, в которой индивиды ... создают особое единство, внутри которого эти мотивы и интересы находят свое воплощение»⁷. Обобщение данного утверждения позволяет провести анализ презентативных форм межкультурных взаимодействий с учетом их базовой мотивации: 1. Прагматическое пространство взаимодействий – обуславливающее политическое, экономическое и социальное измерения межкультурных взаимодействий. (Деятельность, определяющая общее направление культурного развития) 2. Рекреационное пространство – служащее обновлению культурных форм посредством обращения к этнике и фольклору. (Деятельность, служащая культурному обновлению) 3. Пространство самоактуализации – определяющее научное, художественное и религиозное измерения межкультурных контактов. (Созидательная деятельность, ведущая к изменению культурной реальности.)

В применении к изучению истории и современности данная методология позволяет выявить ряд проблем, уходящих от внимания исследователей культуры Санкт-Петербурга. Она призвана содействовать выявлению форм рецензий восточных культур, а также способствовать осмыслению универсальных и специфических характеристик культуры «Северной столицы».

В третьем параграфе «**Межкультурные контакты в свете глобальных процессов**» анализируются современные масштабные культурные изменения и международный научный дискурс, направленный на осмысление глобальных процессов. При этом Петербург рассматривается как регион, развивающийся в сочленении двух противоположных тенденций: 1) выработки адекватных жизненным условиям самобытных форм существования; 2) обращенности к общечеловеческим практикам. Эти тенденции Петербурга, как и любого другого самобытного культурного пространства, обуславливают процессы интеграции и дезинтеграции народов и культур, вовлекая различные субъекты, влияя на структурные, функциональные и динамические характеристики культуры.

Изучение специфики межкультурных взаимодействий позволяет утверждать, что региональное обособление сегодня уходит на второй план. Мы пользуемся электронными средствами коммуникации, обременены знанием культурных артефактов и текстов различных времен и народов, приобщены к международному телевидению, всемирным трансляциям, общаемся с путешествующими и мигрантами, имеем личный опыт посещения различных стран. То есть осуществляем множество реальных и воображаемых межкультурных связей, большинство из которых еще полвека назад были просто немислимы. Происходящая трансформация культурной реальности ведет к изменению форм культурной идентичности, к глобализации биографии (У. Бек). Среди вариантов межкультурного сближения обращает на себя внимание культурная гибридизация, которая наряду с диффузией, адаптацией и др. представляет важнейший

⁷ Зиммель Г. Избранное. Том 2. Созерцание жизни / Общине. М.: Юрист, 1996 С. 486-487.

элемент культурогенеза. Однако гибридизация проявляется не только как объективированная социокультурная практика, но и как проблема субъекта, когда различные системы рациональности встречаются в сознании отдельно взятого человека. Проблема здесь заключается в том, что, будучи вместилищем разного культурного опыта, постоянно «перепакующегося» в сознании, современные люди находятся в опасности окончательно потерять свою идентичность, не узнать самих себя. В связи с этим, в частности, представляется необоснованным оптимизм конструктивного плюрализма, согласно которому осуществление людьми свобод позволяет сохранить все виды культурного наследия; реальные взаимодействия между культурами и в прошлом и в настоящем протекают неблагоприятно, и эта ситуация останется неизменной при условии сохранения нынешнего уровня понимания происходящего. Ведь очаги межкультурных конфликтов сегодня наблюдаются в идеологической, экономической, религиозной, социальной сфере, и повсеместное распространение демократии этих проблем не решает.

Межкультурные контакты, которые обуславливают западный вектор развития петербургской культуры, сегодня отмечены модернизацией во всех областях жизни, а также пришедшими с Запада «духом свободы» и либерально-демократическими ценностями. Проблема здесь видится в том, что, воспринимая себя европейским центром, Петербург неминуемо оказывается в роли провинциала, поскольку заявленная позиция ставит город в соотношение «более и менее развитого» и заставляет признаться, что он по многим параметрам отстает. Ошибка восприятия данного пути как безусловного блага кроется в сближении представлений об уровне культуры и техническом совершенстве. Угрозы вестернизации видятся и во включенности отечественной культуры в глобальный рынок, где конкурируют не только товары, но и мировоззрения, ценности, образ жизни. Однако не каждая оригинальность и самобытность способна выдержать такую конкуренцию, которая чревата для многих культур нормативно-ценностной инфляцией и даже банкротством (П. К. Гречко). Здесь обнаруживается расхождение логики развития рынка и культуры. Фактическое развитие «товарной многокультурности» (К. Кшиштофек) делает уязвимым положение «радикального конструктивизма» о том, что культуры самореферентны, замкнуты на собственных описаниях. Хотя такое понимание и модифицирует классическое представление о диалоге культур как о свободном взаимодействии открытых систем, поскольку принимает во внимание наличие закрытых сегментов культуры, позволяющих успешно противостоять разнообразным манипулятивным техникам. Однако оно не отменяет исторического факта, заключающегося в том, что западный стиль потребления инокультурных ценностей со временем лишает носителей тех или иных вариантов идентичности понимания вкладываемых в собственную культуру смыслов. Неважно, анализируется ли проблема как практика маскировки западных стандартов знаками местного быта, обычаев, этнонимов и топонимов – «глобальный локалитет» (Т. Е. Савицкая) или как технология «вирусного воспроизводства» западных культурных норм (З. Сардар, М. Дэвис). Свободная от осмысления интеграция в западную модель приводит к утрате не нашего сиюминутного применения опыта, механизмов передачи культурного наследования, растрате природных и человеческих ресурсов.

Осуществление межкультурных контактов в русле концепции многополярного мира также весьма проблематично (С. Хантингтон). Несмотря на большое количество жизнеутверждающих теорий, предполагающих сложение нескольких значимых на гло-

бальном уровне метакультур, формирующихся на основании: общей истории, комплементарности народов, родства языков, этических и религиозных воззрений, единого экономического, юридического, географического пространства, реальный опыт межкультурных взаимодействий иной. Например, идея С. Хантингтона о сложении христианского евроатлантизма, конфуцианского, исламского, индуистского и буддийского мира абсолютно не соответствует реалиям многонационального Петербурга, где представлены все виды конфессий и религиозные представления могут отличаться даже у членов одной семьи. Несоответствие теории реальному опыту российских взаимодействий проявляется также в том, что с родственными по этническому, конфессиональному, языковому признаку странами, с которыми культурное родство очень сильно, политическое и экономическое сотрудничество постоянно встречает серьезные препятствия. В то время как с далекими в культурном и мировоззренческом плане странами Дальнего Востока, Южной и Центральной Азии, напротив, очень продуктивны, что делает эти страны лидерами не только в экономической жизни Санкт-Петербурга, но и в других сферах межкультурного обмена. Данная тенденция в целом не умаляет объединяющий потенциал идеи Евразийского культурного пространства, которая опирается на восприятие русской культуры как неевропейского феномена, обладающего уникальным соединением западных и восточных черт. Однако в настоящее время евразийство в основном реализуется как противостояние вестернизации. И это не специфика евразийства, но результат его включенности в концепцию многополярности. Создающиеся политические блоки и союзы оказываются обреченными на борьбу за умы, ресурсы, глобальные рынки, что негативно сказывается на процессе межкультурного общения во всех других сферах взаимодействия.

Адекватными наблюдаемым в Петербурге процессам межкультурных взаимодействий следовало бы считать процессы глокализации – одновременное разветвление тенденций, – глобализации и локализации, интернационализации и регионализации, унифицированного обезличивания и пестования обособленной самобытности. Взаимовключенность глобального и локального обнаруживает межкультурные контакты нового типа, поскольку в современный диалог включены представители «традиционных» и «современных» культур, «современных» и «транссовременных», а также последних с первыми. Анализ данных реалий открывает поле для исследований любого масштаба – от взаимодействий культур Востока и Запада до общения жителей одной коммунальной квартиры. Представляют интерес и мысли М. Льюиса, утверждающего, что «распространенное представление о модернизации как процессе европеизации, а затем американизации ущербно, поскольку способствует отчуждению неопитов модерна от собственной культуры... В то время как именно восточные культуры содержат ключевые для понимания глобального общества принципы солидарности со всеми поколениями – жившими, живущими и теми, которые еще будут жить на Земле». – Данный способ мышления основывается на том, что – «все цивилизации обязаны быть чувствительны к чужеродному, какие бы формы оно ни принимало»⁸. Однако заявленный поиск синтеза уникальных культурных традиций с достижениями модернизма мало чем отличается от позиции «все правы, все уважаемы, нет культур плохих и хороших». Это широко распространившееся отношение, уже введенное рядом стран в конституции, до сих

⁸ Luyckx M. The Transmodern Hypothesis: Towards a Dialogue of Cultures // Futures. Guildford, 1999. P. 974.

пор себя не оправдало, поскольку ни теория, ни практика мультикультурализма так и не выработала инстанции для культурного единства.

Отчасти решение данной проблемы связано с идеей трансгресса, согласно которому не следует подводить культуры под общий знаменатель, но надо дать всем возможность сотрудничать и развиваться в совместном мире, делая чужих другими. Это, по мнению В. Вельш, может быть реализовано на основе ситуационного трансверсального разума, который ничего не охватывает, не создает единой тотальности, но в то же время связывает. Механизмом межкультурного сближения здесь становится вычленение неприкосновенного «культурного ядра», которое обеспечивает культурную идентичность, а сотрудничество организовывается на второстепенных, предпоследних основаниях. То, что для всех неприципиально, как раз и становится сферой объединения, местом обнаружения ситуационных единств, нахождения компромиссов, общности. Очевидными проблемами здесь выступают отсутствие всеобщего консенсуса по данным вопросам, а также нежелание ряда стран и народов участвовать в указанном процессе.

Вторая глава «Восток в истории культуры Петербурга» посвящена исследованию репрезентативных форм межкультурных контактов. На материалах трехвековой истории Петербурга раскрываются различные аспекты интеграции Востока в живую городскую среду. Анализ форм рецепции восточных культур в Санкт-Петербурге позволяет выявить механизмы и проследить логику осуществления межкультурного диалога, а также определить культурно-исторические причины некоторых проблем современности.

В первом параграфе «**Формы выживания и культурного развития**» проводится функциональный анализ межкультурных взаимодействий, дается характеристика направлений целенаправленно организованного взаимодействия и институционализации восточного компонента в культурной жизни Петербурга.

С первых лет существования обращенная к инновациям столица Российской империи инициировала кардинальные изменения во всех сферах отечественной культуры. Именно здесь определялись основные стратегии отношений с зарубежными государствами. Разрабатывая механизмы для насыщения русской культуры достижениями соседних стран, в том числе и восточных, Петербург формировал одну из важнейших основ межкультурных контактов в целом – внешнеполитические связи. С петровских времен были налажены взаимовыгодные отношения с Китаем (миссия Л. В. Измайлова, посольство С. Л. Рагузинского, Буринский и Кяхтинский договоры). Исследование попыток установления официальных связей с Индией, Средней Азией, Афганистаном, Тибетом приводит к выводу, что встречающееся у историков (А. И. Андреев и др.) прочтение некоторых из них как неудачных оправдано лишь в контексте внешнеполитической конъюнктуры того времени. Не удалась меркантильные этноцентрические задачи, однако с точки зрения дальнейшего развития отношений между культурами – это можно рассматривать как успех. Анализ истории дипломатических связей с восточными странами также показывает значимость личного фактора и важность первых контактов для последующих взаимодействий. Так, непродуманные экспедиции (А. Д. Лаксмана, Н. П. Резанова, Е. А. Головина), направленные на установление связей России с Японией, негативно сказались на всех последующих сношениях между странами. В то время как отношения Петербурга с Бангкоком, напротив, – дают пример

успешной внешней политики, благодаря которой Сиам (Тайланд) остался единственной неколонизированной страной Индокитая. Внешнеполитические подходы к проблемам межкультурного взаимодействия в диссертации рассматриваются и на примерах участия официального Санкт-Петербурга в Большой геополитической игре в конце XIX начале XX века, включая идею создания «Великой буддийской конфедерации» и другие экспансионные сценарии внешней политики. Всё это позволяет сделать вывод, что, оставив данные планы перереализованными, столичный Петербург способствовал сохранению уникальных культур, в частности Тибета, а также сохранил лояльность восточных соседей, тем самым, обеспечив плодотворное развитие межкультурных отношений в будущем.

На почве проводимой Петербургом внешней и внутренней политики развивалась торговля со странами Востока. Механизмы налаживания экономических связей с Китаем, Индией, Тибетом позволяют рассматривать Петербург как опекуна и модератора этой сферы культурных взаимодействий. Маршруты торговых потоков, предметов экспорта, практика транзитной торговли дают возможность проследить связь предметно-вещного обмена с появлением в Петербурге новых форм культурных практик, например чаепития. Решая базовые для выживания страны экономические вопросы, петербургская элита, практически, никогда не отступала от меркантильного подхода, опиравшегося на принцип «покупать дешевле, продавать дороже» и заключавшегося в поддержке экспансии торгового капитала и поощрении развития отечественной мануфактурной промышленности. Эта специфика экономической политики Северной столицы, преследующей не столько идеологические, сколько прагматические интересы, сохранилась и в последующие времена. Благодаря Петербургу, с начала XVIII века – традиционным торговым партнером России становится Китай. В развитие взаимовыгодных отношений в XIX веке создается ориентированное на восточное направление пароходство, появляются совместные предприятия, банки, строится Китайская железнодорожная магистраль. Экономические отношения со странами Востока в советский период изменяются. После паузы отмечается выход экономических отношений с Индией и Китаем на новый уровень, особенно в годы холодной войны. Ленинград принимает активное участие в обучении и стажировке студентов, рабочих и инженеров из стран Востока. Осуществляет поставки в Китай оборудования и машин (задействовано более 100 предприятий города) и получает взамен традиционные товары китайского экспорта, что было важно для возрождающегося после блокады города. Побратимом Ленинграда становится крупнейший город Китая – Шанхай.

Технико-технологический обмен представляет ещё одну область межкультурных взаимодействий, связанных с выживанием. Восток способствовал активизации внимания столичного Петербурга к исследованию природных ресурсов собственной страны. При Петре Великом в России впервые произвели разведку и добычу драгоценных металлов, покупаемых ранее на Востоке. Китай в XVIII веке превосходил Россию в технологическом плане, в связи с этим петербургские власти не жалели ресурсов на то, чтобы обучить своих подданных восточным ремеслам, и постоянно осуществляли попытки наладить соответствующие производства. Так, в Петербурге в 1744 году была основана Порцелиновая мануфактура⁹, где спустя три года Д. И. Виноградов открыл

⁹ С 1765 года Порцелиновая мануфактура стала называться Императорским фарфоровым заводом.

способ получения твердого фарфора из местных материалов, повлекшего масштабные изменения предметов повседневного обихода: чайных и обеденных сервизов, ваз, табакерок и т.д. Развитие шелководства также находилось под непрерывной опекой Петербурга (указы Петра I, Екатерины II, Павла I, Александра I). Устойчивость интереса к восточным технологиям говорит об осознании важности этого типа межкультурных контактов. Поскольку пришедшие из Востока фарфор, ткани, искусство миниатюры, механические игрушки, фейерверки, камнерезное искусство, литье, чеканка, перегородчатые эмали и многое другое стали не только элементами повседневной культуры, желаемыми предметами обладания, но и стимулом экономического и технико-технологического развития Санкт-Петербурга. Исследование процесса технологического обмена демонстрирует его маятниковобразность. Начавшись с заимствований технологий у Востока, ко второй половине XX века – направление этого культурного взаимодействия изменилось на противоположное. Теперь уже Советский Союз выступал в качестве более продвинутого в технологическом плане партнера, причем к этому виду сотрудничества прибавилось все большее количество стран Азиатско-Тихоокеанского региона. В качестве примера рассматривается роль Петербурга в развертывании масштабных проектов развития машиностроения и атомной энергетики в Индии.

Важный фактор самобытности Петербурга – специфика его демографического и социального устройства обусловлена тем, что город изначально складывался как многонациональный и поликонфессиональный центр великой державы. Это способствовало выходу жителей новой столицы за пределы собственной культуры. Дальнейшая история внутренней и внешней миграции, формирование диаспор, землячеств и слобод по национальному признаку, стремительный рост численности населения представляют Петербург центром гибридизации культурных практик. Это вело к тому, что в межличностном общении петербуржцы скорее ориентировались на место человека в «табеле рангов», чем на его этнокультурную принадлежность. Большое количество контактов с восточными культурами, всегда имевших место в Петербурге, значительно возросло в начале XX века, в частности – в связи с прибытием в город более семидесяти тысяч мужчин китайцев. О характере изменений социальной среды, последовавших вслед за Октябрьской революцией 1917 года, говорят судьбы представителей восточных народов, проживавших в Петербурге в советский период: репрессии, этнокультурная ассимиляция, установление советской системы самоидентификации.

Поиск способов выживания государства со времен Петра Великого сталкивался в том числе и с отсутствием достоверных сведений о ресурсах собственной страны и возможностях соседних держав. Это требовало обращения к научному знанию. Так, в отсутствие достоверной информации о Востоке Петербургской академией наук и другими заинтересованными учреждениями было организовано обучение русских восточным языкам (И. К. Рассохин, А. И. Богданов и др.). Был предпринят целенаправленный сбор первоисточников, литературы, картографических данных по Востоку¹⁰, созданы соответствующие государственные хранилища, подготовлены и изданы переводные, описательные и оригинальные работы по восточной тематике (Г. З. Баер, Й. Ф. Хакман, П. С. Паллас, И. Я. Шмидт и др.). Предпринятые экспеди-

¹⁰ В Петербурге к началу тридцатых годов XVIII века И. К. Кирилов составил первое экономико-географическое описание России, за которым последовал выпуск первого атласа и карт Российской империи.

ции (Д. Г. Мессершмидта, I и II Камчатские) значительно расширили представления о собственной стране, ее географии, ресурсах, климате, животном мире, познакомили с малоизвестными народами (калмыками, ойратами, халха, бурятами и мн. др.)¹¹. По мнению Т. В. Ермаковой, расширение империи в восточном направлении породило у власти опасение возможного сепаратизма восточных окраин. В связи с этим перед наукой была поставлена задача – найти ключ к пониманию историко-культурных и политико-идеологических процессов, что положило начало изучению письменной культуры восточных стран, проведению колоссальной филологической работы, созданию многоязычных словарей (О. М. Ковалевский и др.). Ключевую роль в страноведческих исследованиях Востока с 1845 года начинает играть Русское географическое общество. К двадцатому веку Петербург становится крупнейшим международным центром изучения Средней и Восточной Азии¹², и, хотя этот статус был утрачен после революции и репрессий 1930-х годов, мотивированная прагматикой научная форма межкультурного диалога с Востоком получила свое развитие и в советский период.

Особого внимания заслуживает специфика диалога петербургской власти с восточными народами России. Знакомство в XVIII веке с этнокультурным разнообразием страны и понимание невозможности привести это «идеологическое многообразие» (В. П. Брапский) к единому знаменателю порождали во властных кругах суждения об отсутствии целостности империи. Для преодоления культурной раздробленности страны в Петербурге предприняли ряд попыток регулирования религиозной сферы¹³. Эта казавшаяся жизненно необходимой деятельность, по тогдашним меркам, претворялась в жизнь вполне толерантно. Принудительная христианизация и русификация автохтонного населения официально не практиковались ни в XVIII, ни в XIX веке. Впрочем, это не мешало столичным властям возложить на себя ответственность не только за регуляцию численности иноверного духовенства, но и имущественное положение, например, буддийских монастырей¹⁴. Лишь к началу XX века петербургские власти посчитали возможным не вмешиваться более в вопросы духовной жизни своих сограждан и прекратить регулирование в сфере, превосходящей компетенции государства. В подтверждение своих намерений 17 октября 1905 года в Петербурге был провозглашен манифест «О свободе совести и вероисповедания», закрепленный постановлением Государственной Думы от 26 мая 1909 года «О праве свободно переходить из христианской религии, не исключая православия, в религию еврейскую, магометанскую и языческую». Знаковым событием этих лет, институционализирующим обретенную свободу, следует считать и разрешение П. А. Столыпина начать строительство иноверных храмов и

¹¹ Успехи военных экспедиций на Восток связаны с именами П. П. Семёнова-Тян-Шанского, Н. М. Пржевальского, Г. П. Потанина, М. В. Левцова, И. А. Ределя, В. И. Роборовского, Г. Е. Грум-Гржимайло, П. К. Козлова.

¹² С 1903 по 1918 Петербург становится центром Association Internationale pour l'Exploration de l'Asie Centrale et de l'Extreme Orient. В комитет Ассоциации вошли представители шести министерств и пяти научных учреждений и обществ. Всемирную славу петербургской ориенталистике XIX – пер. трети XX в. принесли В. П. Васильев, И. П. Минаев, Ф. И. Щербатской, С. Ф. Ольденбург; В. В. Радлов, А. М. Позднеев, О. О. Розенберг; Н. Д. Мионов, А. И. Востриков, Б. Я. Владимирцов, Е. Е. Обермиллер, барон А. Д. фон Сталь-Гольштейн и мн. др.

¹³ Например, составление Екатериной Великой в 1767-68 гг. религиозного законодательства Российской империи.

¹⁴ Этот процесс начался с 1741 года, когда буддизм был признан одной из традиционных конфессий.

практически одновременное возведение в Петербурге мусульманской соборной мечети и буддийского дацана. Однако социалистическая революция 1917 года изменила данное положение. По мере формирования советской идеологии любая форма инакомыслия оказывалась уязвимой¹⁵. Объявляя носителей альтернативного мировоззрения «социально опасными элементами» и «врагами социалистического переустройства», советская власть высылала их в лагеря или расстреливала, недвусмысленно закрывая данный тип межкультурного общения.

Во втором параграфе «**Формы восстановления и культурного обновления**» прослеживается история обращения петербуржцев к восточным практикам, способствующим рекреации, дающим возможность восстановления психо-физических ресурсов человека, формирования новых повседневных культурных практик.

Санкт-Петербург менял устоявшиеся в России культурные традиции. Новая столица предложила модифицировать оформление и сопровождение жизни разных слоев населения. Помимо прямых перенесений европейских досуговых практик – от моды и проведения ассамблей до курения табака и бритья бород, – в Петербурге весьма успешно осваивались и восточные культуры. Одной из форм институционализации этого процесса стало собрание Петром Великим коллекций восточных редкостей. Внимание к престижно-статусным функциям этой неоднозначной культурной практики позволяет уже в первой половине XVIII века обнаружить целенаправленную организацию закупок и доставку диковинных предметов ко Двору, которой занимались Лоренц Ланг, затем Франц Эллаллич и другие. С 1714 года восточные редкости начали экспонироваться в первом отечественном музее – Кунсткамере. Восточные коллекции составляли примерно треть музейного фонда. Анализ частного коллекционирования раскрывает и его компенсаторную функцию, трансформирующую переживания человека в конструктивную востребованную обществом культурную практику. Коллекционер изучает интересующую его тему, сопоставляет, сравнивает, погружается в предметно-символическое инобытие. Среди собирателей восточных редкостей в XVIII веке следует назвать первого губернатора Петербурга А. Меньшикова, а также Ф. Апраксина, Р. Арескина, А. Винниуса, П. Гордона, Ф. Лефорта, А. Остермана, Н. Репнина. Восточные предметы собирались в домах Бецких, Строгановых, Юсуповых. К началу XIX века Петербург обладал крупнейшим в Европе собранием дальневосточной художественной культуры. Посредством предметно-вещного собирательства в Петербурге создавалось пролонгированное во времени «пространство приятя» Востока. Расширению представлений о культурном многообразии также служило прибытие в столицу китайских посольств¹⁶, караванов восточных правителей, например Надир-шаха, который прислал в Петербург 14 живых слонов, нагруженных драгоценными дарами. Дарообмен – ещё один действующий институт этического и эстетического освоения мира. Полученные в Петербурге подарки не только институировали международные отношения в настоящем, но давали основание воспринимать их как «закладки» в культурной памяти, как гарантии развития взаимообогащающего общения в будущем.

¹⁵ См.: Люди и судьбы. Библиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917-1991), подг. Я. В. Васильковым и М. Ю. Сорокиной. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. 496 с.

¹⁶ Первые китайские посольства прибыли в Петербург в 1731 и в 1732 годах.

Анализ форм культурного обновления позволяет сделать вывод, что восточный компонент наполнял отечественную культуру на протяжении многих веков. Специфика петербургского этапа этого процесса связана с собиранием империи, многонациональным составом населения столицы, активизацией международных контактов. История многих форм взаимодействий закреплялась в русском языке, содержащем многочисленные заимствования восточных слов и понятий¹⁷. Китайские слова «книга», «чай», «жень-шень», как и пришедшие к нам из восточных языков в XVIII веке «карандаш», «изьян», «фарфор», «кибитка» и многие другие, как правило, были связаны с конкретными предметами, явлениями природы, культурными практиками, в связи с чем были понятны для носителей отечественной культуры и хорошо прижились в русском языке. Заслуживают внимания и петербургские издания XVIII века, в которых публиковались претендующие на новизну материалы о кулинарных традициях восточных стран и их гастрономическом этикете¹⁸. В Петербурге пользовались популярностью статьи о китайском лаке, японской бумаге и других достижениях материальной культуры Востока¹⁹, причем со временем интерес к восточным культурным практикам не иссякал и удовлетворялся все в большей полноте. Информация о восточных культурных традициях не просто увеличивалась информированность. Переживая трансформации, Восток входил в повседневный быт различных слоев населения Петербурга. Например, массовое приобщение петербуржцев XVIII века к чаю может быть осмыслено и как новая городская традиция и как феномен межличностного общения, и как демократический институт, организованный вокруг изобретенного самовара. Синтез взаимодействующих культур также обнаруживала себя в активном применении первыми петербуржцами восточных материалов в одежде, в обивке мебели, отделке жилых помещений.

Обращение петербуржцев к Востоку как к иному, способствовало символическому усложнению культурного пространства города. Посредством прямого общения и западного влияния (В. Чемберс и др.) Восток, выполняя престижно-статусные функции, расширял эстетические представления петербуржцев. Императорская семья институционализировала интерес к Востоку в больших и малых архитектурных формах, в ландшафтном дизайне. Увлеченность Востоком среди аристократии проявлялась в украшении интерьеров и частном строительстве в пагодном стиле²⁰. Данная форма взаимодействия, несколько изменяясь, сохранила свое значение в XIX-XX веках. Например, использование свастики в качестве символа перемен в первые годы советской власти. Следует отметить и овладение ленинградцами декоративно-прикладными восточными практиками, такими как оригами и икэбана, широкое распространение в городе игры в доми-

¹⁷ Фонетической приметой ряда восточных заимствований филологи называют сингармонизм гласных в русском языке, дающий повторение одной и той же гласной в слове: «сундук», «утог», «чугун», «батрак», «лапша», «балаган», «баклажан». Выявить их можно и по характерным окончаниям слов на «-лык» и «-ча»: «ярлык», «шашлык», «балык», «парча», «каланча» и так далее.

¹⁸ О час // Прим. на Ведом. 1732. Май, Ч. 35-38. С. 165-180; Об употреблении некоторых кушаний у чужеземных народов... // Соч. и перев. 1759. Сентябрь. С. 259-270; Обряды китайцев во время их пиршеств / Перев. с нем. из Веймар. и Лейпциг. календаря Т. Цалабан // Нов. ежем. соч. 1790. Ч. 43. Январь. С. 77-91.

¹⁹ См.: Севастьянов А. Ф. О японской бумаге // Техн. журн. Т. III. Ч. 1. 1806. С. 163-170. Он же. О японском лаке // Техн. журн. Т. III. Ч. 1. 1806. С. 170-172.

²⁰ В восточном стиле в Петербурге, Царском Селе, Ораниенбауме и Петергофе строили А. Ринальди, В. Деламот, И. Герард, И. В. Неелов, Дж. Кваренги, Ю. М. Фельтен, Ч. Камерон, О. Рикар де Монферран, Ф. И. Деметьев, Э. Л. Ганц, Г. В. Барановский и другие.

но, популярность восточных видов физкультуры и спорта, в особенности единоборств, на основе которых в 1949 году было придумано «самбо». В 1970-80-х годах заметны периодические, но достаточно массовые увлечения людей хатха-йогой, дзюдо, карате. Символическое расширение культурного пространства обреталось и благодаря многочисленным проектам культурного обмена (художественные выставки, концерты, фестивали восточных народов). Те же функции диалога с Востоком выполняли полюбившиеся многим ленинградцам индийские киноленты, фильмы Акиры Куросавы, а также литература, в том числе и переводная европейская (книги Ромена Роллана и такие романы, как «Сидхартха» Германа Гессе). Таким образом, несмотря на большие перемены в культурной жизни, Восток (в тех или иных формах, в жизни частной и общественной) продолжал выступать в качестве источника символического расширения культурного пространства и в советский период, не утрачены эти функции взаимодействия и в постсоветский период.

Среди исследуемых форм рецепции восточных культур в Санкт-Петербурге заслуживает внимания обращение петербуржцев к Востоку как источнику развития личности. В качестве рекреационной практики данная форма межкультурных контактов возникла лишь во второй половине XIX века. Она напоминает то, что мы называем сегодня познавательным туризмом, поскольку речь идет о путешествиях, цель которых – расширение кругозора посредством получения живых впечатлений об иных культурах. Открытая представителями высшего петербургского общества (Э. Э. Ухтомский, цесаревич Николай), данная практика со временем стала доступна более широкому кругу горожан. Вхождение Востока в культурную жизнь петербуржцев осуществлялось и посредством литературы, не только научно-специализированной, но и популярной, адресованной самым разным читателям. Например, юные петербуржцы в XIX веке впервые познакомились с большим количеством восточных сказок. Как источник новых знаний Восток не потерял свою актуальность и в послереволюционные годы. Интересующаяся Востоком публика следила за новыми экспозициями и театральными постановками даже в голодном 1919 году, значимым событием которого стала открывшаяся в Русском музее «Первая буддийская выставка»²¹. Обращение к восточной этнографии и фольклору как ресурсу просвещения масс было подхвачено и развивалось в течение всего советского периода, хотя уровень транслируемой информации (ввиду наличия идеологического контроля) зачастую снижался. Тем не менее, анализ музейной деятельности в городе на Неве позволяет утверждать, что собранные, изучаемые и экспонируемые памятники Востока вошли в культуру города, став ее неотъемлемой частью, воспринимаясь ленинградцами-петербуржцами как собственное культурное наследие.

Среди различных форм рецепции Востока, служащих восстановлению внутреннего мира человека и его культурного обновления, особого рассмотрения заслуживают контакты, дающие ощущение включенности в большой мир, рождающие чувство сопричастности с происходящими в нем процессами. Так, начиная с XIX века, отзываясь на романтические настроения, интеллектуальная элита находит вдохновение в приоб-

²¹ С. Ф. Ольденбург, организовавший Первую буддийскую выставку, понимал, что комплексное научно-просветительское мероприятие может также решить и задачу по сохранению художественных и научных фондов в новой общественно-политической среде.

щении к культурным традициям, информация о которых черпается из рассказов путешественников и живых носителей восточных культур. То, каким образом аристократы воплощали в жизнь своё ощущение Востока, в диссертации иллюстрируется воспоминаниями участников великосветских балов и маскарадов, например записками королевы Вюртенбергской Ольги, дочери Николая I. Отметим, что к началу XX века многие рекреационные формы взаимодействия с Востоком демократизировались, обретая место в культурной жизни петербуржцев любого возраста, вкуса, бюджета и уровня образованности: на улицах дети бедняков и разночинцев стучали в турецкие барабаны-чики и дули в китайские свистульки («тёщин язык»); деятели искусства наслаждались восточной музыкой и танцами. Интеллигенция общалась с носителями азиатских культурных традиций, такими как А. Дорджиев, и это отразилось на творчестве многих из них. Большое влияние имела в городе и известная династия тибетских врачей Бадмаевых, имевших на Поклонной горе свою школу. Интеллигенция знакомилась с Востоком благодаря частным салонам, например князей Туңдутовых, которые, как и князь Тюмень, знакомили петербургскую элиту с восточными традициями – национальной кухней, музыкальными инструментами, эпосом, горловым пением, религиозными представлениями. Ориентализм был поддержан и многими европейцами, вводившими в Петербурге-Петрограде моду на буддизм и ведангизм. Декларация первостепенной значимости духовного развития человека в ленинградский период истории города на деле предполагала развитие лишь в строго очерченных рамках²², исключая свободное обращение даже к собственному культурному наследию. Ситуация изменилась лишь в конце 1980-х годов. Она показала, что за более чем полувековой период строгого регулирования межкультурных контактов общество накопило множество ждущих восполнения культурных дефицитов.

Третий параграф «**Формы самоактуализации и культурного изменения**» посвящен анализу взаимодействия Петербурга с Востоком, которое осуществлялось творческими людьми и интеллектуалами, но оказалось значимым для многих, повлияв на самосознание петербургской культуры. Речь идет об обращении петербуржцев к восточным культурам как способу самоактуализации, о рецепциях, ведущих к обнаружению необозначенных культурных «дефицитов».

Одной из важнейших форм освоения восточных культур в Петербурге следует считать научное изучение Востока. Хотя функции науки в петровских временах определяются выработкой и теоретической систематизацией позитивных знаний о действительности, здесь мы рассматриваем науку не как общественный институт, но как деятельность по получению нового знания, формирующего картину мира. Значимость гуманитарных исследований восточных культур для Петербурга заключалась не только в том, что всё делалось впервые. Подлинное понимание оказывалось невозможным без вживания в иные культурные коды, что неминуемо приводило к личностным

---

²² Цитируя К. Маркса, власти провозглашали свободное время основным мерилем богатства коммунистического общества, поскольку оно служит необходимым условием для всестороннего развития личности (см.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 2, С. 217). Однако успехи в этом направлении в реальной жизни в основном связывались с сокращением рабочей недели, а также развитием и улучшением системы общественного питания и бытового обслуживания. Таким образом, время досуга и возможности для восстановления сил человека возрастали, но вот наполнение этого досуга в плане культурного обмена было достаточно проблематичным.

трансформациям исследователей. На изучение восточных языков и первичный сбор информации у ученых ушло более века (XVIII - нач. XIX). И хотя ранняя специализированная литература по Востоку сегодня уже потеряла свою актуальность, её культурно-историческая значимость осталась непреходящей. Пионеры востоковедения Г. З. Баер, С. П. Паллас, Г. Ф. Миллер и др. создали прецедент, оставили след, повлияли на культуру отечественную, определив направления последующего освоения восточных культур. Иной культурный смысл имеют для нас работы Ф. И. Щербатского, Е. Е. Обермиллера и их коллег и последователей, прославивших отечественную ориенталистику. В них мы имеем дело с материалом двойного осмысления Востока и Запада, философским сопоставлением культурных смыслов, с диалогом уже соприкоснувшихся культур. Интересен и тот факт, что востоковедение, как и российская философия, во многом развивалось вне академической среды. Хороший исторический пример, – жизнь и деятельность Г. С. Лебедева, открывшего индологическое научное направление в отсутствие опосредованного Академией государственного заказа и официальных договоренностей между странами. Систематическое и стихийное изучение Востока продолжается и ныне здравствующими учеными-энтузиастами, исследующими свой предмет во всем многообразии тем и дисциплинарных направлений.

Среди форм рецепции восточных культур в Петербурге, тем более тех, что служили изменению представлений о культурной реальности, невозможно обойти вниманием такие исторические сюжеты, как обращение к восточной тематике в философии и литературе. Увеличивающийся поток информации, подкрепленный романтической реакцией на Просвещение, менял отношение к Востоку многих образованных петербуржцев. Восточная тематика не просто интересовала людей, но неизменно вплеталась в контекст интеллектуального дискурса. Одним из первых к осмыслению места России (на оси Восток – Запад) обратился П. Я. Чаадаев. «Стоя между главными частями мира Востоком и Западом, опираясь одним локтем в Китай, другим – в Германию, мы должны бы соединять в себе два великих начала разума: воображение и рассудок и совмещать в нашей цивилизации историю всего земного шара»²³. Знакомство с Востоком приводит его и к универсалистским идеям: «Чтобы достичь слияния всей распространенной на Земле мудрости, потребуется найти силы, благодаря которым они (Восток и Запад) соприкоснутся, после чего конечная работа человеческого разума совершится сама собой». Развивая эти идеи, В. С. Соловьев, знавший о Востоке много больше и увидевший в буддизме «первое всемирноисторическое пробуждение человеческого самопознания», обращал внимание на практику «дейтельного самопожертвования из сострадания ко всем живым существам»²⁴. Он даже высказывал мысль о возможности объединения буддизма и христианства. Приведенные примеры показывают, что в течение XIX века петербургская и московская интеллектуальная среда с интересом воспринимала восточные концепции, обнаруживая новые ориентиры, открывая неизвестные ранее системы ценностно-смысловых координат. Интерес к Востоку не миновал крупнейших русских писателей: Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого

²³ Первое философическое письмо. Цитируется по изданию М. Гершензона // П. Я. Чаадаев. СПб., 1908. С. 215.

²⁴ Соловьев В. С. *Оправдание добра. Нравственная философия* // Соловьев В. С. *Сочинения в двух томах*. Т. I. М., 1988. С. 308-309.

и других. Для литераторов, как и для большинства интеллектуалов конца XIX начала XX века, Восток стал альтернативным способом осмысления мира.

Исследование ориентализма осложнено тем, что он никогда не оформлялся в определенное течение или стиль. Скорее это особая атмосфера культурной жизни петербуржцев, проявившая себя особенно заметно в конце XIX - начале XX веков. Увлеченность Востоком «подогревалась» литературой²⁵, театром²⁶, «питалась» востоковедной мыслью, открытиями путешественников²⁷, теософскими семинарами, первыми фотографиями восточных стран²⁸, выставками, поэзией и многими другими проявлениями мультикультурной жизни Петербурга. Осуществляемый диалог культур не был напрямую связан с пониманием Востока, многие знания трансформировались (Д. С. Мережковский, Е. П. Блаватская). Здесь работали другие культурные механизмы – желание изменений, открытость к новому, толерантное отношение к Иному, богоискательство. Тем не менее, многие деятели культуры отозвались «на зов Востока» вполне осознанно. «Одни искали восточные духовные ценности, стремились понять иные культуры, другие мечтали почерпнуть на Востоке силы для поддержки дряхлеющей Европы, третьи видели для России возможность особой “синтетической” духовности, в которой плодотворно соединятся восточная мудрость и европейская цивилизация»²⁹. Во времена, именуемые русским религиозно-философским ренессансом, интерес к Востоку проник не только в кружки и салоны, возникли даже общественно-политические движения, такие как «Великий Восток народов России». Служа альтернативой позитивистским ценностям, отрицая целесообразность европоцентризма, ориентализм конституировался прежде всего как запрос к Иному внутри петербургской культуры.

Среди форм творческой самоактуализации, осуществляемой в том числе и посредством обращения к восточной тематике, особого внимания заслуживает опыт поэтов и художников. Это уместно ещё и потому, что статус поэзии и изобразительного искусства в XIX – начале XX века был достаточно высок. Кроме того, эти виды искусства хорошо отражают актуальное отношение к Востоку петербургского общества, маркируя уровень развития межкультурного диалога в разные исторические периоды. Начиная с творений В. А. Жуковского, сделавшего первый поэтический перевод с немецкого поэмы о «Нале и Дамаянги», к ориентальной тематике обращается всё большее число петербургских поэтов. «Для воспитанного на Байропе поколения Восток стал тем же, чем Италия была для классиков...»³⁰ Интересно наблюдать и то, как в течение полувека эволюционировало содержание произведений. В начальный период романтического воодушевления Востоком Ближним (А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов) магистральной линией в литературе стала антиномия «личность – общество», в которой альтернативой борьбе героя-одиночки служило бегство от общества. Однако

²⁵ Теософское об-во издавало труды Рамакришны, Вивекананды, Р. Тагора; на русский язык переводились памятники индийской и китайской мысли: от философских произведений до поэзии и сказок.

²⁶ В 1903 в Петербурге прошли первые гастроли театра Кабуки.

²⁷ Большим успехом пользовались публичные лекции и книги П.К. Козлова (открывателя Хара-Хото) и других путешественников.

²⁸ Впервые западный мир познакомился с фресками Аджанты благодаря фотографиям петербургского путешественника В. В. Голубева, с Тибетом – благодаря фотографиям О. Нарзунова и Г. Цибикува.

²⁹ Смирнов И. С. Всё видеть, всё понять... Запад и Восток Максимилиана Волошина // Восток – Запад. М., 198. С. 175.

³⁰ Мутер Р. История живописи в XIX веке. Т. 3. СПб., 1901. С. 54.

постепенно Ближний Восток терял свою привлекательность. «Возникла потребность обращения к иному Востоку, к иной цивилизации, в основе которой лежала изначальная идея гармонии между небом, землей и человеком, между индивидуумом и обществом»³¹. В эпоху Серебряного века к восточной теме обращаются М. Волошин, поэты символисты А. Белый, К. Д. Бальмонт, В. И. Иванов, В. Я. Брюсов; акмеисты – Н. С. Гумилев, О. Э. Мандельштам, футурист В. Хлебников. Диалог с Востоком, всегда личный, богатый формообразующими культурными инвенциями, находим мы и в работах русских живописцев – В. В. Верещагина, Н. К. и С. Н. Рерихов. Авангардисты первой трети XX века (М. В. Матюшин, Е. Г. Гуро, Д. Д. Бурлюк, В. В. Каменский, Н. И. Кульбин), как и представители других художественных направлений (космизм, лучизм, абстракционизм), обращались к Востоку, чтобы подняться над стереотипами европейской культуры. На этом этапе творческих взаимодействий речь уже не шла о простых подражаниях и стилизаторстве. Прямо или косвенно восточное влияние сказывалось не столько на формотворчестве, сколько на обретении новых личностных ориентаций.

Осознание рецепции восточной культуры в театре и кино начинается с творчества К. С. Станиславского, создавшего систему, повлиявшую на весь западный театр и даже Голливуд. По свидетельству Е. Вахтангова, Станиславский многое черпал в произведениях Вивекананды и других индийских мыслителей. Обращаясь к трудам режиссера («Работа актера над собой»), встречаешь много индийских образов, терминологию, техники (йогические асаны, дыхательные упражнения, методы сосредоточения). Проводником особого творческого переосмысления японских традиций на петербургской сцене был В. Э. Мейерхольд. Разрабатывая свою знаменитую биомеханическую систему, он никогда не скрывал, что был вдохновлен японским театром Кабуки. Стремление к самоценности театрального начала, к «тотальности» действия обратило внимание ученика Мейерхольда – А. Я. Таирова к индийской традиции; в 1914 году он поставил «Сакунталу» на сцене Камерного театра. Эта тенденция не исчезла и в последующие времена и вдохновляла реформаторов не только театра, но и кино. Например, в России превращение кинематографа в новый вид искусства, произошло во многом благодаря творчеству С. М. Эйзенштейна. Создатель особого визуального языка, изучавший в Петербурге японскую культуру, писал: «Я очень часто пользуюсь материалом Востока: вначале больше опытом Японии, в дальнейшем – китайского искусства»³². Восток для многих творческих людей представлял неисчерпаемым источником вдохновения, порою даже родиной истинного искусства, и Россия часто естественным образом с Востоком отождествлялась. Обращение к «внутреннему Востоку» получило развитие в советском кинематографе, в работах Г. Н. Даниелин, С. И. Параджанова, О. Д. Иоселлиани.

Освоение столичным Петербургом восточной тематики тесно связано с межконфессиональным диалогом. Начавшись уже в XVIII веке, он отмечен пионерскими инициативами деятелей православной церкви по культивации восточного культурного пространства, в частности Сибири. Однако исторические материалы свидетельствуют о том, что эта форма взаимодействий (казалось бы, призванная осуществлять обмен трансцендентным опытом) демонстрирует весьма скромные результаты. Вплоть до

³¹ Долин А. А. Японская поэзия на западе: перевод-стилизация-адаптация // Взаимодействие культур Востока и Запада. М., 1987. С. 90.

³² Иванов В. В. Эйзенштейн и культуры Японии и Китая // Восток – Запад. М., 1988. С. 183.

³³ Согласно на прием миссии было дано в 1712 году, однако работа её началась лишь в 1715.

открытия в 1861 году миссии дипломатической, наиболее успешная и репрезентативная Пекинская духовная миссия³⁴ по большей части готовила переводчиков и выполняла функции посредника в политических сношениях России и Китая. Хотя ряд священнослужителей уделял внимание изучению восточных культур (Н. Я. Бичурин, П. И. Кафаров, А. Г. Владыкин и др.), в целом в работах православных авторов (арх. Нил, о. И. Попов, иер. Мефодий, А. И. Введенский, В. А. Кожевников) не ощущается желания понять суть иного мировоззрения³⁴. Толкуя восточные религии как пагубную духовную практику (языческое идолопоклонство), они традиционно преследовали цель оградить свою паству от возможного влияния Востока и выработать у нее однозначный ментальный стереотип, срабатывающий на альтернативные пути духовного развития как «метафизический шлакбаум». Столкновение конфессий особенно обострилось во времена принятия закона «о свободе вероисповедания» в начале XX века и открытия в городе мусульманской соборной мечети и буддийского дацана³⁵. Однако в атеистическом СССР межконфессиональное противостояние было снято с повестки дня. Эту исторически сложившуюся форму межкультурного общения в целом характеризует тот факт, что подавляющее большинство сознательно и бессознательно искажающих толкований восточных мировоззрений (непоследовательность, мистифицированность, пессимизм, пассивность, иждивенчество и прочее), с которыми мы встречаемся и сегодня, выработано христианскими авторами и советскими идеологами.

В главе 3 «Восток в культуре современного Петербурга» анализируется то, как в последние два десятилетия взаимодействия с восточными культурами организуется и в каких формах осуществляется. На конкретных примерах рассматриваются: политические, экономические и социальные спецификации контактов с Востоком, рекреационные формы его притяжения; а также – научные, художественные и религиозные практики освоения опыта восточных культур в Санкт-Петербурге.

В первом параграфе **«Политическое, экономическое и социальные измерения»** исследуется влияние восточных стран и народов на политическую, экономическую и социальную сферы культурной жизни Петербурга. Здесь анализируются наиболее прагматические аспекты межкультурного взаимодействия, которые обуславливают контакты петербуржцев с Востоком и задают многие направления культурного развития города.

Современная петербургская культура определяется общероссийскими изменениями в политическом, экономическом и социальном устройстве. Рецепции восточных культур в Петербурге проходят в контексте снижения идеологического контроля³⁶, глобальной связанности экономик крупнейших стран мира, и это с неизбежностью отра-

³⁴ Анализ православных востоковедческих работ см.: Ермакова Т. В. Буддийский мир глазами российских исследователей XIX – первой трети XX века. СПб., 1998. 344 с.

³⁵ Стронтельству иноверных сооружений в Петербурге активно препятствовал Департамент духовных дел, Союз Русского народа, Союз Михаила Архангела, митрополит Антоний, архимандрит Варлаам и многие другие.

³⁶ Один из показателей – современный федеральный закон «О свободе совести и религиозных объединениях» был принят Государственной Думой РФ 19 сентября 1997 года. Он сменил закон РСФСР «О свободе вероисповеданий» (Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1990. 21. Ст. 240; Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. 5. Ст. 346) и постановление Верховного Совета РСФСР «О порядке введения в действие Закона РСФСР «О свободе вероисповеданий» (Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1990. 21. Ст. 241).

жастся на повседневной жизни горожан, на освоении петербуржцами инокультурных практик, изменении смысловых и ценностных ориентаций. Так, с начала девяностых годов XX века в городе открылось множество консульств восточных стран: Индии, Японии, Республики Кореи, КНР, Шри-Ланки, Индонезии, Пакистана, Таиланда, Турции, Бангладеш и др., а также бывших союзных республик Киргизии, Армении, Азербайджана, Казахстана и др. Существовая в Петербурге как очаги распространения собственных культур, представительства иностранных государств включают город в глобальную систему взаимоотношений со всем миром. Дипломатия активизирует множество перекрывающих, усиливающих и ослабляющих культуры форм политического взаимодействия. Появляются новые межгосударственные политические объединения с народами Востока бывшего СССР: СНГ, ОДКБ, ЕврАзЭС, Таможенный союз. Единение с Востоком реализуется также в форматах РИК, БРИК и АТР. В частности, в Петербурге при администрации города работает Центр сотрудничества со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, цель которого – оказывать гражданам содействие в реализации коммерческих, научных, технических и других проектов. Упрощение процедур выезда граждан за границы отечества, дополняемое совместным осуществлением с сотнями тысяч представителей восточных культур, послужило тому, что контакты перестали быть фрагментарными, частичными, ситуативными, стали устойчивыми, покрывающими все виды деятельности человека. Петербургская власть проявляет неизменную готовность к поиску согласия между субъектами культурного диалога. Например, осуществляется программа «Толерантность» (2006-2010 гг.). Обращенная к разным слоям петербуржцев, она призвана гармонизировать межконфессиональные и межэтнические отношения. Освободившись от идеологической доминанты, свойственной советскому периоду, современная политика руководствуется прагматикой и экономической целесообразностью. Однако её действительность связана не только с эффективностью системы контроля общества, экономики, морали, права, но и с умением осуществить «захват душевных сил» каждого жителя города.

В экономическом сотрудничестве Санкт-Петербурга с другими странами, которое осуществляется посредством расширения торговых рынков, взаимовыгодного обмена, заимствования технологий, регулирования финансовых потоков, сегодня доминирует восточное направление. Став за последнее десятилетие крупным автопромышленным центром, Петербург собирает машины преимущественно восточных брендов: Toyota, Nissan, Suzuki, Hyundai; открыто подразделение Sungwoo hitech. В городском автопарке преобладают китайские автобусы – Golden Dragon и Yutong. Всё это – не только свидетельство возрастания экономических связей Петербурга со странами Востока, но и косвенное признание вновь обретенного технического преимущества восточных соседей³⁷, благодаря которым город модернизирует свою промышленность. На петербургском товарном рынке, как и во всем мире, сегодня доминируют страны Азиатско-Тихоокеанского региона. Это заметно в сфере сбыта бытовой электроники и офисной техники, одежды и игрушек и во многих других значимых отраслях экономики. Восток также активно участвует в строительстве города. Посредством инвестиций и налогов он даёт прибыль Петербургу, обеспечивает население города доступными товарами, заполняет сферу обслуживания, предоставляет рабочую силу. Лидером во внешних

³⁷ Исключение составляют лишь военные и космические разработки.

торговых отношениях Петербурга является Китай, осуществляющий мощные инвестиционные проекты, такие как «Балтийская жемчужина». По данным Петростата, внешнеторговый оборот Петербурга с Китаем в 2009 году составил 4052 млн. долларов США, почти в два раза превысив торговый оборот со всеми странами участниками СНГ. В 2010 году этот разрыв увеличился вдвое. Фиксируя возрастающую роль Востока в экономической жизни Петербурга, следует признать, что данный вид сотрудничества сегодня предстает наиболее унифицированной формой глобальных культурных взаимодействий. Однако экономика, помимо взаимовыгодной торговли и производства жизненных благ, включает в себя и исторически накопленный опыт выживания, связанный с природной, социальной и культурной средой, которые также переживают трансформации. В частности, число японских суши-баров и китайских ресторанов сегодня значительно превышает количество не только немецких, итальянских или французских гастрономических заведений, но и отечественных. Следует отметить, что интенсивное индустриальное развитие города не способствует решению существенных для Петербурга экологических проблем и это делает традиционный опыт восточных культур в сфере природопользования весьма ценным и своевременным.

Возрастающее число внешних и внутренних миграций, постоянных, сезонных, временных, вносит изменения и в демографическую ситуацию в Санкт-Петербурге. Сокращающееся местное население возмещается за счет прибытия в город большого числа выходцев из стран Востока. В результате этого процесса этнический состав Петербурга серьезно изменился за последнее десятилетие. Если до I мировой войны в городе проживали более 50 тысяч немцев, то сегодня их количество не превышает шести тысяч (примерно столько же, сколько китайцев и корейцев). В то время как, например, азербайджанцев сегодня насчитывается около 270 тысяч, а, скажем, татар – более 300 тысяч, хотя ещё восемь лет назад число последних не превышало 30 тысяч, а в 1920 году – одной тысячи человек³⁸. Фактически, сегодня каждый пятый горожанин – выходец с Востока. Это люди со своим жизненным укладом, отношением к миру, семье, манерой общаться и прочей культурной спецификой, серьезно отличающейся от петербургских нормативов. В связи с ростом иммиграции наблюдается взаимное непонимание представителей автохтонных и аллохтонных культур. Однако внимание к этой проблеме со стороны политиков, СМИ и гражданского общества, как правило, сводится к межнациональным столкновениям, которые подменяют собой всё разнообразие происходящих взаимодействий между культурами. В то время как межэтнические, межнациональные и межконфессиональные отношения между собой не равны. Они имеют существенные отличия – структурные, функциональные, процессуальные. Сегодня диаспоры и землячества, в первую очередь восточных народов, организуют жизнь большого числа людей в Петербурге. Имея свои институты (этнокультурные сообщества, религиозные организации, творческие союзы, товарищества взаимопомощи, клубы по интересам, деловые центры), они играют в Петербурге более важную роль, чем это признано офи-

³⁸ По сведениям РЭМ и петербургского Дома национальностей.

³⁹ Романова Н.М. Современные национально-культурные общественные организации Санкт-Петербурга. СПб., 2007. 164 с.

⁴⁰ Данная статистика не учитывает религиозные объединения; так, из 12 действующих буддийских общин города в данном списке обозначена лишь одна.

циально. В настоящее время в городе зарегистрировано 12 национально-культурных автономий и около 200 НКО³⁹, однако вне этого учета остается большое число различного рода культурных объединений⁴⁰. Важным представляется и тот факт, что, в отличие от связанных с миграцией проблем социальных, юридических и экономических, несовпадение культурных кодов не становится причиной жесткого противостояния между людьми. Хотя встречи с другим образом жизни, манерой поведения, уровнем повседневной культуры, отличиями норм (проявленными вербально, визуально, ольфакторно) не часто вызывают одобрение у коренных жителей Петербурга⁴¹. Контакты в данной сфере не должны вызывать опасений, в отличие от проблем трансформации идентичности новых поколений восточных народов, осевших в Петербурге, и вопросов изменения петербургской культуры в целом. Вследствие возрастающего числа реальных контактов с восточными народами (позитивных и негативных) спецификой данной области культурных взаимодействий следует признать то, что, если человек имел личное общение с представителем другой культуры, то пережитый опыт оказывается перекрывающим любую достоверную информацию, его опровергающую. То есть частный случай способен изменить отношение ко всему народу. Не менее важно и то, что большая часть контактов, осуществляющихся в социальном пространстве, имеет случайный или вынужденный характер, и в то же время они, как ни какой другой тип, дают глубину прикосновения к иной культуре.

Плотность межкультурных связей стимулирует в Петербурге встречу разных типов мышления, когда, например, на конференциях, симпозиумах, конгрессах общие проблемы обсуждаются совместно представителями восточных и западных интеллектуалов. Следует отметить, что подобное взаимодействие уже вышло за рамки восточноведческого, а порою и научного дискурса в целом. Соотнесение различных типов мышления осуществляется в бизнесе и в учебном процессе (количество одних только китайских студентов, обучающихся в 26 вузах Петербурга, превышает четыре тысячи человек) и в ходе культурного со-бытия (работа, быт, межэтнические браки). Приобщение к петербургской культуре выходцев из стран Азии, как и изучение петербуржцами Востока, – это процесс обоюдный, ведущий не только к смешению знаковых систем, но и к обмену ценностными ориентациями, способами формирования проекта жизни, что ведет к взаимному изменению контактирующих культур. Заметно внедрение в социокультурную среду Петербурга китайских стратагем, буддийских тренингов⁴², даосских ценностей. Очевиден и инновационный вклад японской культуры в области менеджмента, развития корпоративной культуры, экологии⁴³ и энвайронментологии⁴⁴. Анализ рецензий, осуществляющихся по принципу дополнительности, позволяет сделать вывод об отложенности во времени следствий данного вида взаимодействий Петербурга с восточными культурами и трудности их учета в логике сиюминутной пользы.

³⁹ Несоответствия культурных кодов, как правило, интерпретируются реципиентами в ряду негативных проявлений собственной культуры.

⁴² См., например: Голиков Ф. Концепции и методы ваджраяны в подготовке современного менеджера проектов в России. СПб.; М., 2011.

⁴³ Современные ценности зеленых движений, как и философия «глубинной экологии», формулируемая, в частности, Фритыофом Капрой, приходя в Петербург из стран Запада, причиной своего появления и развития имеют восточное влияние.

⁴⁴ Environmental science – прикладная экология, охрана окружающей среды.

Особого внимания заслуживают конфессиональное соприкосновение и массовый интерес к восточным духовным традициям, возникший в начале 90-х годов прошлого века. Эволюция механизмов политической регуляции данной сферы, прошедшая путь от снятия запретов до открытых дискуссий, посвященных проблемам «изучения религии в средней школе», свидетельствует о том, что данная область покрытия «духовных дефицитов» по-прежнему осваивается стихийно. Начавшийся диалог религий пока не приводит к желаемым результатам, напротив, речения ряда религиозных деятелей, таких как дьякон Кураев или муфтий Гайнутдин, обостряют чувство культурной обособленности сограждан. В то же время анализ мультиконфессиональных реалий петербургского постатеистического общества позволяет обнаружить разнообразные религиозные паллиативы⁴⁵, когда, например, с помощью религии этнокультурные и национальные сообщества пытаются обеспечить свою идентичность.

Во втором параграфе «**Рекреационные измерения**» восточной компоненты культурной жизни Петербурга исследуются формы психо-физического восстановления, а также механизмы расширения культурных возможностей петербуржцев

В современном Петербурге заметен рекреационный интерес к экзотически проявленным формам, отражающим повседневные практики, воззрения и идеалы тех или иных восточных народов. Начиная с 1990-х годов, широкое распространение получают предметы быта, музыка, танцы, национальные кухни, традиционная одежда и архитектура, прикладное и декоративное искусство. Это порождает «легкий» вид контактов, который дает повод для бесед, позволяет пополнить «копилку впечатлений», питая различные формы культурного утилитаризма и гедонизма. Проведение досуга в созерцании беллиданса, еда палочками или курение кальяна – эта форма освоения восточных культур служит расширению зоны «своего», но является лишь обращением к внешним проявлениям иной культуры и, как правило, не связана с попытками ее постижения.

В настоящее время область потребления самобытных элементов восточных культур постоянно расширяется, любая экзотика активно внедряется в массовую культуру. Хорошо известен массовый интерес к соотношению григорианского календаря с символикой восточного, институтированный в том числе и петербургским Монетным двором, выпускающим монеты с соответствующей символикой. В Петербурге производятся нэцке, которые пользуются спросом как недорогие сувениры. Многие горожане регулярно посещают китайские и японские рестораны. Увлечены импортируемым из Европы фитнесом, который, по сути, основывается на адаптированных восточных практиках: цигун, йога, калланетика, пилатес, тайчициюань. Наряду с этими общими для современного мира рекреационными практиками, здесь формируются и распространяются мифы о ниндзя и филиппинской хирургии, ожидается обретение счастья посредством встречи года Огненного быка в красной одежде и т.д. Развлекая, внося в жизнь приятное разнообразие и отдохновение и при этом не требуя от человека серьезных внутренних усилий, сфера рекреационных контактов с Востоком охватывает широкий спектр этники. Это проявляется и в новых архитектурно-средовых включениях Востока в культурное пространство Петербурга, таких как храм миссии Шри Чайтанья

---

⁴⁵ Социокультурные инверсии религиозных традиций, проявляющиеся в воссоздании некоторых атрибутов религиозной жизни при отсутствии, изменении или имитации реальной духовной практики.

Сарасват Матх в Лахте (2002), корейский комплекс Чансын на пр. М. Тореза (2003), китайский сквер на Литейном проспекте (2003), Коломяжская мечеть (2009), пагодные кровли и интерьеры торговых и культурно-развлекательных центров. Специфика этой формы распространения Востока, в том, что здесь не предполагается включение в иную культуру, постижение неслучайности появления той или иной культурной практики. В то же время, посещая, допустим, суши-бар или чайную церемонию, человек воспринимает иную культуру всеми органами чувств как нечто особое. Таким образом, контакт всё равно осуществляется на всех уровнях восприятия, в том числе психосоматическом и бессознательном.

Возрастающий уровень мобильности населения неминуемо влечет за собой такую форму межкультурного общения, как туризм. Согласно статистике, наиболее популярные направления заграничных поездок у петербуржцев на сегодняшний день не западные, но восточные (Египет, Турция, Таиланд, Шри-Ланка). Причины этого не только экономические, значение имеют также климат, природа, наличие исторических памятников и культурной экзотики. Выполняет туризм и престижно-статусную функцию. В целом, туристские поездки протекают как смена форм развлечений, и знакомство с другими культурами, по сути, становится расширением зон потребления (еда, массаж, пляжи, одежда, ароматы). Здесь осуществляется поиск новых форм удовольствия и релаксации. Анализ данной области свидетельствует о том, что даже «познавательный туризм» реализуется не более как «смена исторических картинок».

Среди форм предметно-символического межкультурного взаимодействия важное значение имеют художественные презентации восточных культур в Петербурге. Достаточно активную позицию здесь демонстрируют музеи города. Помимо постоянно действующих экспозиций, посвященных восточной тематике, они достаточно часто организуют временные выставки, совместные с восточными музеями проекты, привлекающие большее число горожан. Также в Петербурге проходят концерты, гастролы восточных театров и фестивали, которые организуются этно-национальными обществами, религиозными организациями, продюсерскими центрами, правительствами и консульствами восточных стран. Среди масштабных проектов последних лет, прошедших в Петербурге, следует назвать международный фестиваль «Буддизм.ру» (2008), «Год Индии в России» (2009), «Год Китая в России» (2010), ежегодные фестивали «Японская весна в Петербурге», «Сад удовольствий», «Японская осень в Петербурге», «Дни ненасилия в Петербурге», «Недели корейской культуры», недели разнообразного восточного кино. Эти и многие другие проекты служат популяризации восточных культур в Петербурге, знакомят петербуржцев с более или менее аутентичными образцами и практиками восточных культур.

Восток в Петербурге представлен и такими разнонаправленными рекреационными практиками, как фен-шуй, йога, восточные единоборства, манга, аниме, игра в го и пр. Подъем и спад интереса к ним связан с преходящей модой. Обращаются к ним петербуржцы и как к способу саморазвития. Весьма востребованы программы приобщения детей дошкольного и школьного возрастов к культурам восточных народов. Например, для маленьких детей в Музее антропологии и этнографии проводятся занятия: «Вместе с Иссумбоси», «Ганеша-победитель», «В стране, где живут павлины», «Почему в Индии не боятся змеей», «Ларец мудрости», «Китайский Новый год». Подобную популяризаторскую практику осуществляют и общественные объединения, такие как Art-family и «Поднебесная».

Традиционный мотив увлечения Востоком среди петербуржцев – обращение к нему как способу индивидуализации. Восточные культуры здесь выступают как маркер собственной специфичности, как знак обретенного отличия от окружающих. Данный тип «восточности», по сути, является развитием западного культурного влияния, ориентирующего людей на оригинальность и стремление к успеху. Таким образом, восточность выступает как собственный антипод, организуясь как стратегия достижения места в обществе. Особо следует отметить «игры» в последователей эзотерических восточных учений, цель которых определяется желанием стать, обозначиться, быть замеченным, что, по сути дела, противоречит восточным формам самоактуализации личности.

Современный ориентализм, питаемый результатами востоковедного труда и разнообразием инокультурных практик, вновь расширяет сферы своего существования. Его приверженцы принимают «как свои» такие представления, как «карма», «ци», «бхакти», «нирвана», «сатори», «адвайта». Под его «знаменами» формируются модные молодежные движения. Не менее важно и то, что ориентализм институционализируется. Это происходит посредством Open Air-ов, таких как «Иллекеш» или «Танцы за всеобщий мир»; кроме того, в Петербурге работает просветительский центр «Будущее Земли» ведического общества духовного развития; действуют школы традиционных искусств восточных стран, например Vai Mao, разнообразные центры духовно-оздоровительных практик и много других сообществ, связывающих (по статистике Интернет ресурсов) тысячи ориентально настроенных петербуржцев. Современный ориентализм, как и в Серебряном веке, представляет весьма эклектичное культурное пространство, пребывая в русле общемировой тенденции формирования мультикультурного сознания.

Третий параграф «**шашное, художественное и религиозные измерения**» посвящен изучению практик самоактуализации, основывающихся на обращении к тысячелетнему опыту восточных культур. В нем проанализированы формы и механизмы взаимодействия, которые, по сути дела, ведут к трансформации самой культурной реальности сегодняшнего Петербурга.

Одна из форм данного пространства межкультурных контактов развивается в изучении Востока через предметно-символическое бытие. Это осуществляется и посредством освоения восточных техник живописи и графики, зодчества и вааяния, в том числе и традиционных восточных искусств, не имеющих аналогов в российской и европейской культуре, таких как тханкопись, возведение ступ, изготовление мандал, масляная скульптура и другие. В отличие от потребительски-рекреационного, данный тип освоения Востока не находится в «легком» обращении, требуя значительных затрат времени и сил, а порою и подвижничества. Необходимым условием в овладении инокультурным опытом является также наличие передачи традиции от квалифицированного учителя. Здесь задействованы сложные механизмы, связанные с постижением инокультурных кодов. В живописи – данная практика осуществляется через освоение восточных законов и категорий визуальной эстетики (А. Качаров, В. Ложкарева, С. Носков). В музыке – через освоение инструментов, изучение техник звукоизвлечения, теоретических систем и представлений о гармонии (С. Гасанов, Д. Кучеров, А. Панин). В театре – через освоение специфической пластики, например театра Буто («Академия тишины»), или особого языка теней, используемого в спектаклях петербургского театра «КукФо». Практическое постижение восточных искусств пред-

ставляет собой одну из форм культурной универсализации, имеющей следствием трансформацию собственной культуры, осуществляемой по принципу дополнительности.

Рецепции восточной культуры в петербургской художественной практике работают в режиме адаптации восточных культурных форм, синтеза. Это ведет к рождению новых жанров и видов. Например, в постановках созданного в СПбГАТИ Театра пластики рук «Hand Made», в слиянии поэзии и мультимедиа («фото-танки» В. Трофимова), в изобразительном искусстве (В. Хахо, Т. Архипова, В. Ближенцев, В. Синкевич). Восточные темы входят в репертуар и традиционных петербургских театров, например – «Белое облако Чингисхана» в Учебном театре на Моховой, «Волшебное пёрышко» театра марионеток Е.С. Деммени. Высшая театральная премия Петербурга «Золотой софит» (2003) присуждена балету Михайловского театра «Принцесса Луны или Такэтори-моногатари». Восточная тематика проявляется себя на фестивальных площадках, таких как Балтийский дом, в постановках экспериментальных театров (Дерево, OddDance theatre, Шангри-ла), в продюсерских проектах (арт-центра «Берег»⁴⁶, Открытой ассоциации своевременного искусства «ЧЮ»). Современные музыканты и литераторы осуществляют артистическую рефлексию на символическое смещение Востока – России – Запада (Б. Б. Гребенников). Взаимодействие культур порождает и новые системы творчества, пример – «Самоосвобождающая игра» В. Демчого, транспонировавшего, подобно Станиславскому и Ежи Гротовскому, восточные практики и идеи на язык театрального действия и создавшего на основе ваджраянских психотехник новую систему актерского мастерства.

Важнейшей формой освоения Востока в Санкт-Петербурге следует считать академические исследования. В городе продолжают работу исследовательские и образовательные институты ИВР РАН, СПбГУ, СПбГУКИ, Восточный институт и другие. С начала 90-х годов XX века в Петербурге также появилось множество издательств, которые специализируются на восточной тематике, таких как «Петербургское востоковедение», «Нартанг», «Ясный свет», «Алмазный путь», «Диля» и другие. Анализ количества и качества изданий, оригинальных и переводных книг по Востоку, проводимых семинаров, конференций свидетельствует об активизации востоковедной жизни в Петербурге. Изыскания востоковедов, посвященные ментальности, категориям восточных культур, создают основы понимания культурных кодов восточных народов. Заметен интерес к Востоку и в неспециализированной востоковедческой научной среде. В развитии ориентальных тенденций XIX века Международный клуб ученых изучает историю ариев индославов⁴⁷ (С. В. Жарникова). Сотрудники РГО исследуют Гиперборею (экспедиции С. В. Голубева). К восточной философии и культурным практикам помимо гуманитариев проявляют интерес физики, химики, биологи. Например, многие петербургские медики осваивают Аюрведу, Чжуд-ши и другие восточные традиции, вводят в современную технологичную практику диагностики и лечения знания акупунктуры (метод Накатани), энергетических каналов. Инновативный опыт традиционных восточных культур легализуется не только в фармакологии, но и в таких современных направлениях, как восстановительная меди-

⁴⁶ Основатели: Адашинский, Шемакин, Полунин.

⁴⁷ Термин «индославы» ввел в оборот санскритолог Рахула Санскритьяяна, который в пятидесятые годы работал в Ленинградском университете и написал книгу «От Волги до Ганги». В октябре 2010 года в Петербурге прошел II Всероссийский научно-практический конгресс ведической культуры, на котором после круглого стола «Новая ведическая Русь» была подписана резолюция о создании культурного движения русских ведических ариев по возрождению смыслов и ценностей ведической культуры.

цина и валеология. Освоение привносимых в современную культуру восточных знаний постепенно изменяет сознание ориентализирующих петербуржцев, ведет к открытию альтернативных путей интеллектуальной жизни.

Современный уровень культурной проницаемости Востока и Запада приводит к появлению в Петербурге петничных для традиционной русской и европейской культуры форм религиозной идентичности. Исходя из восточных мировоззренческих установок «о духовном родстве рода человеческого», данный феномен организуется и как личное движение к абсолюту (брахма самадж, практическая веданта, интегральная йога, вайшнавские общины) и как поиск и открытие альтернативных способов «духовного подъема» (корейский дзэн «кван ум», японский сото дзэн, даосский центр Дао Дэ). Осваиваются «лювые» маршруты путешествий (Бутан, Сикким, Тибет, Мекка), причем поездки организуются не как туризм, но как паломничество, имеющее конфессиональную специфику. Это приводит к появлению людей, не просто знающих (читавших), но становящихся носителями одновременно двух, а то и более типов культур и осуществляющих посредничество между ними для других. В данном пространстве межкультурных взаимодействий возникает и такая форма, как «духовное эмигрантство», которое заключается в подмене своих культурных традиций заимствованными и, по сути, представляет собой паллиатив восточных практик. Однако так же, как и во всем мире, большое распространение имеет тенденция адаптировать восточное мировоззрение и психо-физические практики к реалиям собственной жизни. Свидетельство результатов этой «переработки Востока в своё» – развитие западной версии буддизма, основанной на усвоении живой передачи традиций дзен, махамудра и дзогчен. В развитии данной формы взаимодействия Санкт-Петербург занимает ключевые позиции в России и странах СНГ.

Итак, в обозначенный период восточная составляющая стала очевидной, практически, во всех сферах Санкт-петербургской культуры. Её возрастающее влияние на культурную жизнь города определяется политикой, экономической связанностью, современным уровнем развития техники, демографическими изменениями, обращением к восточным формам рекреации. В массовой культуре и художественных практиках ориентализм демонстрирует свою эклектичность. В обращении к религиозным идеям и философским концепциям – востребованность альтернатив. Взаимодействие с Востоком несет ценный опыт встречи несопадающих культурных кодов, разных принципов организации деятельности, общения, самоактуализации. Осуществляясь на разных уровнях и в разных формах, межкультурные контакты трансформируют культурную реальность Петербурга. Конечно, сами по себе культурные изменения, возникающие вследствие межкультурных взаимодействий, для Петербурга не новы, поскольку город никогда не был монокультурным. Напротив, за свою трехсотлетнюю историю он приобрел ценный опыт интеграции многих культур. Кроме того, будучи уникальным образованием, созданным трудами многих поколений и народов, город может выступать своего рода ориентиром для разработки масштабных проектов межкультурного взаимодействия, плодотворного сосуществования представителей разных культур. Следует также признать, что сегодняшний Вызов – ориентализация Петербурга – это не только необходимая, исторически обусловленная мера выживания города, но и возможная перспектива его полноценного культурного развития.

В заключении подводятся подводятся обобщающие итоги диссертационного исследования.

Основные выводы и положения диссертационного исследования изложены

В научных монографиях:

1. *Алексеев-Апраксин А. М.* Буддизм в Петербурге: История и современность. СПб.: Олсариус-Пресс, 2008. – 175 с. (12,87 п. л.).

2. *Алексеев-Апраксин А. М.* Культурологические подходы к изучению межкультурных контактов. СПб.: Unlimited Space, 2011. – 120 с. (8,5 п. л.).

В изданиях Перечня ВАК РФ:

3. *Алексеев-Апраксин А. М.* Россия и страны буддийского Востока в XVIII веке // Вестник молодых ученых 2'06. СПб НЦ РАН. СПб., 2006 (0,5 п. л.).

4. *Алексеев-Апраксин А. М., Морина Л. П.* Самоидентификация как процесс духовного развития // Этносоциум и межнациональная культура № 3 (11). М., 2008 (0,6 п. л., авт. вклад 0,4).

5. *Алексеев-Апраксин А. М., Морина Л. П.* Формирование языковых концепций в истории философской мысли // Этносоциум и межнациональная культура № 7 (15). М. 2008, (0,7 п. л., авт. вклад 0,5).

6. *Алексеев-Апраксин А. М.* Восток – Запад: Опыт осмысления межкультурных контактов // Вопросы культурологии №12. 2010 (0,6 п. л.).

7. *Алексеев-Апраксин А. М.* Петербург в контексте глобальных культурных изменений // Общество. Среда. Развитие №4. 2010 (0,6 п. л.).

8. *Алексеев-Апраксин А. М.* Культурная реальность в свете исследования межкультурных взаимодействий // Вестник ЛГУ № 12. 2010 (0,7 п. л.).

9. *Алексеев-Апраксин А. М.* Ориентализм в истории культуры Петербурга // Вестник ЛГУ № 1 (Том 2). 2011 (0,6 п. л.).

10. *Алексеев-Апраксин А. М.* Межкультурные контакты: Функциональный анализ // Вопросы культурологии № 6. 2011 (0,6 п. л.).

11. *Алексеев-Апраксин А. М., Ноговицын Н. О.* Понятие смысла в философии и истории культуры XX века // Научные проблемы гуманитарных исследований №8. 2011 (1,2 п. л., авт. вклад 0,6).

12. *Алексеев-Апраксин А. М., Ноговицын Н. О.* Теоретико-методологические подходы к изучению взаимодействия культур // Вестник ОГУ №4. 2011 (0,6 п. л., авт. вклад 0,4).

В коллективных монографиях и научных изданиях:

13. *Алексеев-Апраксин А. М.* Проблемы культурного статуса современного искусства // Фундаментальные проблемы культурологии. Т. 5 Теория и методология современной культурологии / Отв. редактор Д. Л. Спивак. М.; СПб.: Новый хронограф; Эйдос, 2009. – 624 с.: илл. (1,2 п. л.).

14. *Алексеев-Апраксин А., Ерохин Б., Загерс М.* Сокровище Тибета: Буддийские методы в искусстве. Екатеринбург. СПб.: РАБШКК, 2004. – 78 с. (личн. доля автора 7 п. л.).

15. *Алексеев-Апраксин А. М.* Восток на Западе // Новые традиции / Под ред. Е. Э. Суровой и С. А. Рассадной. СПб.: Петрополис; Центр изучения культуры, 2009. – 372 с. (0,6 п. л.).

16. *Алексеев-Апраксин А. М.* Буддизм и современное искусство // Буддизм России № 32. СПб.: Нартанг, 1999 (0,5 п. л.).

17. *Алексеев-Апраксин А. М.* Художественное наследие северного буддизма // Росс. конференция «Пробл. культуры и иск-ва». Ч 2. СПб.: СПбГУКиИ, 2000 (0,3 п. л.).

18. *Алексеев-Апраксин А. М.* О стилях тибетской живописи // Дневник петербургского искусства: Альманах ИДПИ, №2 СПб.: Petropolis, 2002 (0,4 п.л.).

19. *Алексеев-Апраксин А. М.* Опыт модернизации классического буддийского образования в условиях глобализации. The Karmapa International Buddhist Institute // Матер. Междунар. научно-практич. конференции «Реальность этноса». – СПб.: Астерион, 2003 (0,4 п.л.).

20. *Алексеев-Апраксин А. М.* Взаимодействие культур: Буддизм и новые мировоззренч. модели // II Торчиновские чтения. Религия и востоковедение: Матер. научной конференции. С-Петербург, 17-19 февр. 2005 / Сост. и отв. ред. С.В. Пахомов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005 (0,3 п.л.).

21. *Алексеев-Апраксин А. М.* Взаимодействие культур: Псевдоморфизм или социокультурные инверсии // III Торчиновские чтения. Религия и вост.-ведение: Матер. научной конференции. С-Петербург / Сост. и отв. ред. С.В. Пахомов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006 (0,3 п.л.).

22. *Алексеев-Апраксин А. М.* Восток – Запад: Опыт художественного взаимопроникновения // V Международ. науч-практич. конференция «Диалог культур: Болонский процесс, язык, культура, бизнес». СПб., 16-17 марта 2006. Гос. Акад. управ. и эконом. СПб.: 2006 (0,2 п.л.).

23. *Алексеев-Апраксин А. М.* Рецепция восточных культур в странах Запада и в России // I Российский культурологическ. конгресс. СПб., 25-29 августа 2006. СПб.: Эйдос, 2006 (0,15 п.л.).

24. *Алексеев-Апраксин А. М.* Орторелаксация: Культурологические аспекты адаптационных практик // Материалы XI Международного симпозиума 29 сентября - 6 октября 2006., Греция, Салоники. М., 2006 // Курортные ведомости №2 (41). 2007 (0,2 п.л.).

25. *Алексеев-Апраксин А. М.* Ответы Востока на Вызовы русской культуры // Мат. круглого стола: Философия культуры и культурология. Дни петербургской философии 17-19 ноября 2006. СПб.: СПФО, 2007 (0,5 п.л.).

26. *Алексеев-Апраксин А. М.* Формы рецепции буддизма в России: Индивидуализация, замещение, адаптация // IV Торчиновские чтения. Религия и вост.-ведение: Матер. научной конференции. С-Петербург / Сост. и отв. ред. С.В. Пахомов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007 (0,4 п.л.).

27. *Алексеев-Апраксин А. М.* Российское востоковедение в период смены государственного устройства // Россия и революция 1917 года: Опыт истории и теория, РГИ СПбГУ, РАН. СПб.: Олериусс Пресс, 2008 (0,4 п.л.).

28. *Алексеев-Апраксин А. М.* Апология ДПИ // Артосфера: Перспективы развития и инновации. 4.XII.2007. СПб., 2008 (0,5 п.л.).

29. *Алексеев-Апраксин А. М.* Проблемы культурного статуса современного искусства // II Российский культурологический конгресс. СПб., 2008 (1 п.л.).

30. *Алексеев-Апраксин А. М.* Тулку: История и современность // СПбГУ. Парадигма № 12. 2008 (0,6 п.л.).

31. *Алексеев-Апраксин А. М.* Северный буддизм на берегах Невы // Мат. Международной конференции «Россия и Монголия: Взаимовлияние культур в условиях глобализации». СПб., 2009 (0,5 п.л.).

32. *Алексеев-Апраксин А. М.* Артосфера: Гибель или демократическое многообразие? // Человек как творец и творение культуры. СПб.: СПбГУ, 2009 (0,8 п.л.).

33. *Алексеев-Апраксин А. М.* Буддизм в культуре Петербурга // Мат. I Международной научно-практической конференции «Буддизм Ваджраяны в России: История и современность». СПб.: Unlimited Space, 2009 (0,7 п.л.).

34. *Алексеев-Апраксин А. М.* Основания межкультурных взаимодействий // Мат. Международной конференции «Россия и Монголия: Культурная идентичность и межкультурное взаимодействие». СПб., 2010 (0,6 п.л.).

35. *Алексеев-Апраксин А. М.* Кагью в Петербурге. СПб.: РАБШКГ, 2009 (1,2 п.л.).

36. *Алексеев-Апраксин А. М.* Межкультурные контакты в современном мире // Мат. II Международной научно-практической конференции «Буддизм Ваджраяны в России: От контактов к взаимодействию». СПб.: Unlimited Space, 2011 (0,7 п.л.).

В популярных и массовых изданиях:

37. *Алексеев-Апраксин А. М.* Образ рыбы: Архетипы и артефакты // Каталог фестиваля ОАСИ ЧЮ. СПб.: ОАСИ ЧЮ, 2001 (0,3 п.л.).

38. *Алексеев-Апраксин А. М.* Символы счастья // Каталог фестиваля «Сфера желаний». СПб.: ОАСИ ЧЮ, 2001 (0,3 п.л.).

39. *Алексеев-Апраксин А. М.* Пространство внутреннего видения // ГО №1. СПб.: Красный дракон, 2002 (0,25 п.л.).

40. *Алексеев-Апраксин А. М.* Эволюция ускользающего присутствия // ГО № 2-3. СПб.: Красный дракон, 2003 (0,25 п.л.).

41. *Алексеев-Апраксин А. М.* Становление буддийской живописной традиции // Искусствоведч. тетради. СПб.: АИС, 2003 (0,3 п.л.).

42. *Алексеев-Апраксин А. М.* История петербургских ресторанов, гостиниц, кондитерских, брендов // Глянцевая энциклопедия № 2. СПб.: РВС, 2003 (0,6 п.л.).

43. *Алексеев-Апраксин А. М.* Эстетика жизни // Лидер № 5 (35) и №9 (39). СПб.: АБИП, 2004 (0,5 п.л.).

44. *Алексеев-Апраксин А. М.* Петербургская повседневность в эпоху Екатерины Великой // Элит. СПб.: Айрис. 2004 (0,3 п.л.).

45. *Алексеев-Апраксин А. М.* Ольфакторные коммуникации в культуре // Лабиринт нового времени №6 (№49). Lohne: Alex GmbH, 2004 (0,4 п.л.).

46. *Алексеев-Апраксин А. М.* Санкт-Петербург – город дежавю // Анонсе № 2 (40). Lohne: Alex GmbH, 2005 (0,4 п.л.).

47. *Алексеев-Апраксин А. М.* Искусство быть собой // Анонсе №.3 (41). Lohne: Alex GmbH, 2005 (0,3 п.л.).

48. *Алексеев-Апраксин А. М.* Светская жизнь петербуржцев первой половины XIX века // Элит №2. СПб.: Айрис, 2005 (0,4 п.л.).

49. *Алексеев-Апраксин А. М.* Буддийский Петербург // Buddhism.ru №5. СПб.: Искусство России, 2003 (0,9 п.л.).

50. *Алексеев-Апраксин А. М.* Визуальная дхарма // Буддизм.ru №7. СПб.: Искусство России, 2004 (0,4 п.л.).

51. *Алексеев-Апраксин А. М.* Золотой мост // Буддизм России № 38. СПб.: Нартанг, 2004 (0,25 п.л.).

52. *Алексеев-Апраксин А. М.* Восток в русской культуре Серебряного века // Буддизм.ru №9. СПб.: Искусство России, 2005 (0,5 п.л.).

Подписано в печать 05.07.2011 г.
Формат 60 x 84 1/4 Усл. печ. л. 2,3 Тираж 100 экз.
Отпечатано в типографии «Адмирал»
199178 г. СПб, В.О. 6-я линия, д. 61, офис 40-Н